ОЧЕРКЪ

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО

ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА

МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

МОСКВА.
Типографія В. Готье, на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго.
1875.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать позволяется. Московская духовная Академія. 11 Августа 1875 года.

Цензоръ Протоіерей Филаретъ

Сергіевскій.

„Митрополита Филарета не стало!... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная, сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая, долгая современность, что обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое, историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, ей не избыть и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ, да и во всемъ русскомъ церковномъ мірѣ! Каѳедра московскаго Митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята, но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудетъ пусто“.

„Намъ невольно припоминается все сказанное нами въ день празднованія его пятидесятилѣтняго архіерействованія. Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь приумноженіемъ лѣтъ и выступая

ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ—въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка и болѣе полвѣка, раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ“!...

„Руская Церковь. съ кончиною Митрополита Филарета, переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и безсознательно, предощущается всѣми. Въ теченіи цѣлаго полустолѣтія русской Церкви, ея представитель, предстоятель и предстатель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствіемъ личнаго внутренняго достоинства), — въ теченіи же полувѣка былъ онъ и „свидѣтельствуяй“ о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ.... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха,—на смѣну ей движется эпоха новая“....

„Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе некого; нѣтъ другаго равнозначительнаго, и даже менѣе значительнаго, но всенароднаго имени“.

Такъ писалъ въ газетѣ „Москва“ ея издатель по поводу кончины Святителя Московскаго Филарета, выражая печальныя чувства Москвы, и не только

Москвы, но и всего народа русскаго при подобной всероссійской утратѣ, какова кончина этого великаго іерарха. Но могутъ ли выразить и эти полныя русскаго народнаго чувства слова всѣ оттѣнки народнаго чувства, проявлявшагося среди разнообразнаго, не умолкавшаго не только днемъ, но и ночью, движенія, которыхъ свидѣтельницею была Москва въ приснопамятную недѣлю 19—25 Ноября 1867 года,— недѣлю, начинающуюся кончиною Митрополита Филарета, и заключающуюся отпѣваніемъ его священныхъ останковъ?

Съ первой минуты извѣстія о кончинѣ того, котораго въ послѣднее время рѣдко видѣла, но присутствіе котораго живо чувствовала Москва, въ ней все будто измѣнилось: жизнь, стремясь обычной чередой, большею частію притекла къ мѣсту недавней жизни и успенія Митрополита; въ Москвѣ стало какъ будто пусто, какъ это чувствуется въ домѣ послѣ смерти почтеннаго члена семьи.

Петербургская печать также присоединилась къ общему гласному сѣтованію. Вотъ что говорили „Биржевыя Вѣдомости“, по поводу кончины Митрополита Филарета: „Болѣе полувѣка принимавшій самое живое и дѣятельное, почти всегда руководственное, участіе въ судьбахъ русской православной церкви, увидѣвшій свѣтъ въ славное царствованіе Екатерины II, при Павлѣ I начавшій свое образованіе, удостоенный особеннаго довѣрія Александромъ Благословеннымъ—

по дѣлу объ отреченіи Константина Павловича отъ русскаго престола, вѣнчавшій на царство Николая I и Александра II, скончался русскій іерархъ, котораго имя было извѣстно и произносилось съ уваженіемъ въ отдаленнѣйшихъ деревняхъ восточной Сибири и на берегахъ Нила и Терека, котораго слава распространена была не только на всемъ православномъ востокѣ, но и между образованными народами римско-католическаго и протестантскаго запада, котораго благословеніе еще недавно принимали наслѣдные принцы англійскій, датскій и итальянскій, который нынѣшнимъ лѣтомъ принималъ съ любовію во Христѣ нашихъ славянскихъ гостей, завѣщавъ имъ братски-христіанскій союзъ съ православною Россіею, котораго пятидесятилѣтній юбилей, праздновавшійся въ прошедшемъ августѣ, вызвалъ благожелательныя поздравленія со стороны восточныхъ патріарховъ, т. е. отъ всей православной вселенской церкви. Россія лишилась, если не старѣйшаго, то одного изъ старѣйшихъ своихъ вѣрныхъ и патріотическихъ гражданъ, русская церковь—знаменитѣйшаго своего іерарха и великаго проповѣдника; вся православно-вселенская церковь—глубокаго богослова, къ голосу котораго внимательно прислушивались не только русскіе архипастыри, но предстоятели всѣхъ восточныхъ патріархатовъ, которому считали своей обязанностію лично представиться, и котораго сужденія съ уваженіемъ потомъ передавали своимъ соотечественникамъ пріѣз-

жавшіе въ Россію по религіознымъ дѣламъ англиканскіе епископы и американскіе пресвитеры. Въ современномъ мірѣ, между государственными и церковными знаменитостями, не много найдется лицъ, такое долгое время служившихъ безпрерывно, неустанно своей странѣ или своей церкви, никогда не ослабѣвавшихъ, каждую минуту всецѣло жившихъ всею современною государственною или церковною жизнію, — лицъ, которыя бы никогда не отставали отъ прогресса времени и всегда находились бы въ ряду лучшихъ и самыхъ полныхъ его представителей, которыя бы, старѣя годами, при каждомъ преобразованіи или обновленіи народной жизни, сами юнѣли и обновлялись... Сынъ небогатаго коломенскаго священнослужителя, получившій первоначальное образованіе въ убогихъ нашихъ школахъ XVIII вѣка, избравшій тихую жизнь монаха, намѣренно удалявшійся отъ міра, становится извѣстнымъ міру не какими нибудь внѣшними блестящими дѣлами; но становится извѣстнымъ міру внутренними подвигами святости, мудростію духовнаго пастыря, глубиною и высотою богословско-христіанскаго міросозерцанія и дѣйственностію своего проповѣдническаго слова. Жизнь православно-христіанскаго пастыря не жизнь государственнаго человѣка или полководца, дѣла которыхъ по преимуществу внѣшнія, всѣмъ видимыя и многихъ ослѣпляющія дѣла. Только природныя великія дарованія и обиліе благодатныхъ даровъ, вмѣстѣ съ напряженными усиліями

развить, возгрѣть и употребить тѣ и другіе во славу Христова имени, во благо православной церкви и отечества, — могли доставить почившему архипастырю уваженіе и любовь вѣнценосцевъ, сдѣлать имя его извѣстнымъ и благоговѣйно-произносимымъ отъ одного конца православнаго міра до другаго. И самая смерть почившаго для современниковъ и потомства—великое поученіе, какимъ была вся его жизнь, смерть, предшествуемая личнымъ совершеніемъ за нѣсколько часовъ до нея божественной литургіи почившимъ. кончина мирная, безболѣзненная и тихая.... Высокопреосвященный Московскій Митрополитъ Филаретъ теперь безмолвно, но сильно говоритъ современному и будущему поколѣнію: „Братіе, вы живете на землѣ и каждому придется умереть; учитесь раньше умирать, чтобы встрѣтить этаго послѣдняго человѣческаго врага— смерть — съ спокойною, чистою за свою частную и гражданскую жизнь совѣстію“.

„Но что, читатель“, оканчиваютъ „Биржевыя Вѣдомости“, „теперь говорится, дѣлается и чувствуется въ Москвѣ, потерявшей своего архипастыря, передъ которымъ благоговѣла первопрестольная столица? Мы воображаемъ всеобщее движеніе въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ, огромныя толпы около митрополичьяго московскаго подворья, страшную давку у входа въ комнаты свитителя, непрерывные разговоры о почившемъ и въ семействахъ, и между знакомыми.... Но что бы мы ни вообразили, во-

образимое, мы увѣрены, будетъ ниже и безцвѣтнѣе того, что теперь дѣйствительно говорится, чувствуется и дѣлается въ Москвѣ".

И дѣйствительно—Москву трудно было вообразить въ это время, трудно, невозможно описать: ее нужно было видѣть, чувствовать, для того чтобы составить себѣ понятіе, какъ волновалась и благоговѣйно сѣтовала Москва около гроба своего архипастыря; надо было быть у этаго гроба, надо было видѣть, какими неизсякаемыми волнами вливался народъ, перемѣшавши свое положеніе въ свѣтѣ, сословія, состоянія, въ домовую церковь Троицкаго подворья, какъ стремительно вливались эти волны отъ внѣшняго напора, и какъ тихо, благоговѣйно разливались онѣ кругомъ тѣла почившаго въ Бозѣ, какимъ широкимъ доселѣ невиданнымъ моремъ запрудили онѣ всѣ улицы шествія Святителя изъ дома своего къ Чудову монастырю, какъ скорбно шумѣли онѣ въ послѣднюю ночь надъ его гробомъ въ Москвѣ и едва колыхая несли онѣ гробъ его до станціи Троицко-Сергіевской желѣзной дороги; — всѣ описанія этихъ историческихъ дней дадутъ только тѣнь ихъ.

Столь же горячо, какъ „Биржевыя Вѣдомости", отозвались по поводу кончины Митрополита Филарета и нѣкоторые другіе органы Санктпетербургской повседневной печати. Въ нихъ (въ Сѣверной почтѣ) между прочимъ писали слѣдующее: „извѣстіе о кончинѣ маститаго архипастыря не могло, по естественной

причинѣ, никого поразить неожиданностію. Глубокая старость его давно заставляла предугадывать, что уже не далека та минута, когда нить долговременной жизни его прервется. Силы его угасали хотя и съ медленною постепенностію, но угасали видимо, и только привычка его подчинять физическую природу своей духовной мощи, могла внушать надежду, что бодрость его духа не скоро еще уступитъ немощи тѣлесной. Три съ половиною мѣсяца тому назадъ совершившійся пятидесятилѣтній юбилей епископскаго служенія высокопреосвященнаго Филарета послужилъ напоминаніемъ для православной Россіи, что ей суждено не въ далекомъ будущемъ лишиться одного изъ своихъ наиболѣе чтимыхъ духовныхъ наставниковъ. Утрата его, въ самомъ дѣлѣ, чувствительна для всей Россіи. Всѣ православные русскіе соединены были съ нимъ тѣснѣйшими духовными узами. Всѣхъ ихъ осѣнялъ свѣтильникъ его разума, въ сильномъ словѣ воплощавшій свои глубокіе помыслы въ назиданіе близкихъ къ нему и отдаленныхъ отъ него сыновъ православной Церкви. Если изъ множества плодовъ умственной дѣятельности новопреставленнаго святителя мы остановимся хотя только на одномъ написанномъ имъ православномъ катихизисѣ, то увидимъ, какъ существенно важна была духовная связь маститаго іерарха съ православнымъ народомъ русскимъ. Не говоря объ умершихъ поколѣніяхъ, почерпнувшихъ знаніе вѣры въ этомъ катихизисѣ, большая часть изъ живущихъ

еще русскихъ людей, изъ коихъ многіе сами уже достигли старческаго возраста, изъ той же книги впервые узнали догматы православія. Такимъ образомъ Митрополитъ Филаретъ былъ въ теченіе почти полустолѣтія какъ бы воспріемникомъ дѣтей русской Церкви, которыя тѣмъ самымъ становились его собственными духовными дѣтьми. Вотъ одна изъ тѣхъ причинъ, по которымъ вѣсть о кончинѣ его отзовется во всѣхъ, самыхъ далекихъ концахъ обширной Россіи. Не намъ оцѣнить по достоинству плодотворную дѣятельность знаменитаго архипастыря. Извѣстный не въ одномъ своемъ отечествѣ дѣлами на пользу Церкви, заслугами предъ престоломъ и отечествомъ, онъ, никогда не стремившійся стяжать себѣ славу между человѣками, оставилъ свое имя начертаннымъ въ исторіи и пріобрѣлъ право на благодарность и современниковъ и потомства. При всѣхъ радостныхъ и печальныхъ событіяхъ, совершившихся въ Россіи, во время его долголѣтняго святительства, онъ былъ или неутомимымъ дѣятелемъ, или мудрымъ совѣтникомъ, или краснорѣчивымъ учителемъ, всегда усерднымъ молитвенникомъ. Ему досталось срѣтать благословеннаго Александра послѣ тяжкой и славной борьбы, закончившейся умиротвореніемъ Европы; онъ былъ однимъ изъ немногихъ, удостоившихся избранія въ хранители государственной тайны о перемѣнѣ престолонаслѣдія; онъ же своимъ могучимъ святительскимъ словомъ благословилъ свою паству принести вѣрноподданиче-

скую присягу при воцареніи Императора Николая и тѣмъ содѣйствовалъ къ предупрежденію недоразумѣній въ первопрестольной столицѣ, въ то время, когда смута готова была поколебать спокойствіе и порядокъ въ нашемъ отечествѣ; его пастырскія наставленія поддержали бодрость въ населеніи Москвы, когда оно тридцать семь лѣтъ тому назадъ, впало въ уныніе отъ бѣдствій причиненныхъ дотолѣ неслыханною болѣзнію; онъ воспламенялъ Россію въ трудную годину борьбы съ соединившимися противъ нея народами Запада и подвигалъ ее на жертвы для защиты какъ себя самой, такъ и восточной православной Церкви. Не было, можно сказать, ни одного государственнаго дѣла, — не говоря о дѣлахъ Церкви, — въ которомъ Митрополитъ Филаретъ не принималъ бы болѣе или менѣе близкаго участія во все царствованіе въ Бозѣ почившаго Государя. Имя высокопреосвященнаго соединено съ воспоминаніемъ о свѣтломъ днѣ вѣнчанія на царство нынѣ благополучно царствующаго Императора и съ славнѣйшимъ дѣломъ Его—совершеніемъ крестьянской реформы, возвѣщенной міру манифестомъ, писаннымъ рукою Филарета.... Поистинѣ славная и драгоцѣнная для русскихъ жизнь, всецѣло посвященная молитвѣ и труду непрерывному!“

Само высшее священноначаліе православной Церкви русской глубоко было опечалено кончиною Высопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета. „Святѣйшій Синодъ, по полученіи извѣстія о кончинѣ Ми-

трополита Филарета, совершивъ въ своей церкви торжественную панихиду, тотчасъ же поставилъ въ извѣстность о великой утратѣ всѣхъ епархіальныхъ преосвященныхъ, и особыми грамотами увѣдомилъ восточныхъ патріарховъ: и покрылась русская земля всеобщею молитвою, скорбною, заупокойною.“

„Кончина Святителя Московскаго,“ сказано далѣе во всеподданнѣйшемъ отчетѣ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Сунода за 1867 г., „глубоко прочувствованная въ Москвѣ и во всей Россіи, возбудила столь же искреннюю скорбь и на православномъ Востокѣ, котораго онъ былъ ревностнымъ защитникомъ. Восточные Патріархи, Священный Аѳинскій Синодъ, Церкви Румынская и Черногорская, въ своихъ посланіяхъ Святѣйшему Синоду, единодушно выразили глубокую скорбь объ утратѣ Святителя Московскаго. „Тяжело было намъ, писалъ вселенскій патріархъ, слышать горестную вѣсть о переселеніи въ вѣчныя обители знаменитаго Митрополита Московскаго Филарета. Да знаетъ вся святѣйшая и преславная Церковь русская о семъ. Апостольская и патріаршая Константинопольская Церковь считала Святителя Филарета сколько іерархомъ Московскимъ, столько же столпомъ, свѣтильникомъ и учителемъ всего Православія, и несокрушимымъ звѣномъ неразрывнаго единства Православной вѣры. Болѣзнуя сердцемъ и духомъ, мы не знаемъ чѣмъ другимъ утишить душевное волненіе и скорбь, какъ вчинивъ патріаршимъ и синодальнымъ постановле-

ніемъ приснопамятное имя блаженнаго достоименнаго Филарета *), въ священные диптихи управляемой нами великой христіанской Церкви для вѣчнаго поминовенія на непрестанныхъ безкровныхъ, умилостивительныхъ жертвахъ". Священный Аѳинскій Синодъ также окружнымъ посланіемъ пригласилъ всѣ греческія Церкви внести имя приснопамятнаго іерарха въ священные диптихи для непрестаннаго поминовенія о немъ на Божественной Литургіи. Патріархи Іерусалимскій, Александрійскій и Антіохійскій, узнавъ о кончинѣ Митрополита, еще до полученія извѣстительныхъ о семъ грамотъ Святѣйшаго Синода, поспѣшили каждый съ ввѣренною ему Церковію вознести заупокойную молитву о почившемъ".

Длиненъ и многотруденъ былъ путь Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета отъ его колыбели до могилы.—До постриженія онъ назывался Василій Михайловичъ Дроздовъ, и былъ сыномъ Коломенскаго Соборнаго діакона Михаила Ѳеодоровича Дроздова, родился въ городѣ Коломнѣ 26-го Декабря, 1782 года. Вотъ какое скромное начало жезнеописанія Высокопреосвященнаго Митрополита Филарета!

Начиная это жизнеописаніе, мы должны сознаться, что нашъ очеркъ, которымъ мы, такъ сказать, кладемъ починъ, дѣлаемъ только легкій абрисъ великой

---

*) Имя Филаретъ значитъ: любитель добродѣтели.

личности въ Бозѣ почившаго Митрополита Филарета, далеко не обнимаетъ собою всего богатства матеріаловъ, представляемыхъ обильною подвигами жизнію Святителя; великій іерархъ русской церкви, за гробомъ котораго, кромѣ всегда покорной ему паствы, покорно слѣдовала, еще недавно бывшая враждебною единству церкви, иная сила въ лицѣ братіи единовѣрческаго монастыря, составившейся изъ недавно присоединенныхъ къ Церкви раскольниковъ, многое изъ жизни своей оставилъ скрытымъ отъ насъ. Онъ, какъ самъ выражается „оставлялъ и забывалъ себя *)“; но потребность хотя поверхностнаго ознакомленія съ этою великою силою, потребность почтить этимъ Его память такъ велика, что мы не можемъ отказать себѣ въ изданіи хотя этого очерка.

Откуда взялась эта великая сила, что способствовало ея раскрытію во всемъ разнообразіи, во всей красѣ ея?

Владыкъ Россіи мудрый собесѣдникъ
Во благо и царей и имъ подвластныхъ царствъ,
И во спасеніе всѣхъ, имъ пасомыхъ, паствъ
Златословесный Пастырь—Проповѣдникъ, —

---

*) См. Отвѣтъ Патріарху Константинопольскому Григорію, Православное Обозрѣніе, № 9-й, 1867 года.

Онъ словомъ Божіимъ святую Церковь пасъ:
Безъ умиленія внималъ-ли кто изъ насъ
Въ святомъ Кремлѣ на царственныя встрѣчи
Его привѣтственной Царелюбивой рѣчи?—
И въ дальнихъ весяхъ Божій Храмъ бывалъ-ли пустъ?
Спѣшилъ туда Москвы Боголюбивый житель,
Гдѣ словомъ поучалъ народъ ея святитель—
Благоглаголивый Московскій Златоустъ.

Душевной чистоты, духовнаго смиренья,
Пасомымъ имъ—собой являлъ онъ образецъ;
Онъ подвигомъ святымъ благотворенья
Украсилъ свой святительскій вѣнецъ.

Свѣтъ немерцаемый свѣтильника Науки
Полвѣка паствѣ онъ обильно проливалъ
И къ просвѣщенію съ любовью простиралъ
На добрый путь благотворительныя руки,
Добра и правды благодѣтель—другъ,
Онъ ихъ любилъ, храня ихъ и питая....
Но для загробныхъ дней здѣсь верхъ его заслугъ—
Въ духовномъ подвигѣ вся жизнь его—святая *).

Но довольно-ли этого изображенія, въ которомъ русскій человѣкъ тщился уловить красоту духовной

*) „На память пятидесятилѣтія Архіерейскаго служенія Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита“ П. В. Шереметьевскаго.

жизни Высокопреосвященнаго Филарета, для полнаго представленія всего его духовнаго величія? Безчисленное множество грамотъ, посланій, адресовъ, которые стекались къ нему отвсюду, къ его 50-ти лѣтнему юбилею, даетъ не мало матеріала для уразумѣнія величія Его обширной, всегда смиренной, повидимому, незамѣтной среди современнаго быстраго хода русской жизни, дѣятельности.

Святѣйшій Патріархъ Константинопольскій Григорій, какъ бы опредѣляя всю ширину Его значенія, пишетъ ему: „И не одними русскими, но и всѣми, такъ сказать, повсюду сущими православными всегда съ благоговѣніемъ чтится Ваше славное и достопочтенное имя, во Христѣ возлюбленный и вожделѣнный братъ и сослужитель нашей мѣрности. Посему справедливо веселится и хвалится торжествующая святая Митрополія Московская, пріявшая отъ великодаровитаго Бога такое пастырское свѣтило, котораго свѣтлый и блестящій умъ не только во время цвѣтущаго состоянія тѣлесныхъ силъ, но уже и по склоненіи за полдень скоротечной жизни, бросаетъ лучи, процвѣтая и непрестанно юнѣя. И вся славная Церковь безпредѣльной Россіи справедливо веселится такимъ счастіемъ пятидесятилѣтняго, столь славнаго и доблестнаго пастырскаго служенія, котораго прекрасные плоды являются и прославляются въ знаменитыхъ пастыряхъ и учителяхъ безчисленныхъ и благочестивыхъ паствъ. Еще болѣе справедливо радуется, ли-

куетъ и красуется и наша святѣйшая, апостольская и вселенская патріаршая Церковь блаженнаго первозваннаго Апостола, потому что, будучи сама первозванною въ вѣрѣ и въ страданіяхъ за Христа, по благодати Господа, сдѣлалась и содѣлывается столь многочадною и благочадною въ первородныхъ и второродныхъ своихъ дщеряхъ, что и сіи послѣднія раждаютъ не просто освященныхъ и досточестныхъ чадъ Господу, но и учителей и свѣтила православія, славныхъ и несокрушимыхъ мужей апостольскихъ, которымъ много хвалы въ Церкви Божіей, много хвалы, возбуждающей соревнованіе въ ученыхъ и просвѣщенныхъ собраніяхъ безчисленнаго множества мужей ученыхъ, академиковъ и мудрыхъ писателей, раждаютъ мужей, которые повсюду прославляютъ и возвеличиваютъ не только многоплодный и многославный Россійскій родъ и имя, но и все православіе“.

Блаженнѣйшій Патріархъ Іерусалимскій Кириллъ пишетъ Высокопреосвященному Филарету: „По истинѣ подобно свѣтиламъ всегда блистаютъ на тверди церковной великіе богоподобные мужи, которые великими евангельскими добродѣтелями и полезными для всего міра твореніями заслуживаютъ имя общихъ благодѣтелей человѣчества. По справедливости величается нынѣ отъ однаго конца вселенной до другаго богоблаженное имя Вашего Высокопреосвященства. Ибо кто другой въ настоящемъ вѣкѣ отличался такою мудростію и добродѣтелію, и принесъ столько пользы

и научилъ міръ, сколько Ваша братская глава, служившая органомъ православія для всей Церкви? Посему достойно радуется и хвалится тобою, равноапостольнымъ своимъ іерархомъ, славное и благочестивое твое отечество, во Христѣ возлюбленнѣйшій и досточтимѣйшій братъ нашъ“!

Алтайская духовная Миссія выражаетъ признательность почившему архипастырю за его участіе въ судьбѣ православія въ отдаленныхъ горахъ Алтая, среди тьмы языческой, слѣдующею отъ сердца излившеюся рѣчью:

„Разсѣянная по горамъ и удоліямъ Алтайская малѣйшая и юнѣйшая часть Всероссійской Церкви, недавно призванная отъ языкъ инородныхъ, вмѣстѣ съ недостойными ея служителями Слова, къ общему всероссійскому молитвенному хору дерзаетъ присоединить и свой смиренный голосъ въ приснопамятный день 5-го Августа сего года.

„Во всемъ томъ, что, по благословенію Божію и во славу Божію, до сихъ поръ совершено въ Алтайской миссіи и чрезъ Алтайскую миссію, Миссія незабвенно сознаетъ благотворное участіе Вашего Высокопреосвященства“.

„Вашему мудрому руководительству обязанъ своимъ высокимъ духовнымъ просвѣщеніемъ первоначальникъ Алтайской миссіи, О. Архимандритъ Макарій. Еще въ лѣта юности отъ духа Вашего онъ воспріялъ духъ

пламенной любви къ слову Божію, духъ ревности по Бозѣ, духъ смиреннаго и высокаго подвижничества, духъ самоотверженной любви къ человѣкамъ. Благочестивое соизволеніе Вашего Высокопреосвященства опредѣлило и утвердило рѣшимость О. Макарія посвятить себя на служеніе апостольское въ предѣлахъ Сибири. Архипастырское благословеніе Вашего Высокопреосвященства напутствовало его на сіе многотрудное поприще, какъ и послѣ того оно же всегда напутствовало каждаго изъ послѣдующихъ миссіонеровъ Алтайскихъ. Богомудрыя Евангельскія правила пастырской дѣятельности, положенныя О. Макаріемъ въ основу миссіонерскаго служенія на Алтаѣ, восприняты были имъ отъ Васъ же: тотъ свѣтъ, которымъ сіялъ онъ въ горахъ Алтайскихъ, просвѣщая сидѣвшихъ въ тмѣ язычества и смертной сѣни грѣха, возженъ былъ отъ Вашего свѣтильника; Вашему Высокопреосвященству какъ О. Макарій, такъ и послѣдующіе служители Слова на Алтаѣ и въ дальнѣйшемъ ходѣ своей дѣятельности обязаны постояннымъ отеческимъ руководствомъ и нравственною поддержкою.— Самымъ до-нынѣшнимъ существованіемъ своимъ Алтайская миссія обязана, по преимуществу, милостивому соучастію Вашего Высокопреосвященства, выражавшемуся въ многократныхъ и многообразныхъ благотвореніяхъ отъ Васъ, или чрезъ Васъ, и въ постоянномъ покровительственномъ содѣйствіи главному благотворителю и сотруднику Алтайской миссіи—

одному изъ достойныхъ священнослужителей первопрестольной Москвы".

Отъ слѣдующихъ іерарховъ, мѣстъ и учрежденій были присланы Митрополиту Филарету письма и адресы по поводу знаменательнаго дня 5-го Августа *):

Отъ Св. Правительствующаго Синода.
— Троицкой Сергіевой Лавры.
— Московской Духовной Академіи.
— Московскаго Епархіальнаго Духовенства.
— Императорскаго Человѣколюбиваго Общества,
— С.-Петербургскаго епархіальнаго Духовенства.
— Духовенства Владимірской епархіи.
— Преосвященнаго Аполлоса, Епископа Вятскаго и всей паствы Вятской.
— Преосвященнаго Антонія, Епископа Пензенскаго съ духовенствомъ.
— Императорскаго Московскаго Университета.
— Московскихъ церковныхъ старостъ.
— Московскихъ Единовѣрцевъ.
— С.-Петербургской Духовной Академіи.
— Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музея.
— Московскаго Городскаго Общества.
— Московской Консисторіи.
— Общества любителей Духовнаго просвѣщенія.

*) Мы не говоримъ здѣсь о высочайшихъ наградахъ, о которыхъ будетъ сказано особо.

Отъ Монастырей и пустынь Московской епархіи.
— городовъ: Дмитрова, Можайска, Серпухова, Звенигорода, Волоколамска, Вереи, Рузы, Клина и т. д.
— Императорской Академіи наукъ.
— Новороссійскаго Университета.
— Общества любителей Россійской Словесности.
— Общества любителей Исторіи и древностей Россійскихъ.
— Петровской земледѣльческой Академіи.
— Московскихъ ямщиковъ.
— Городскихъ обществъ: Дмитровскаго и Царскосельскаго и т. д.

Мы долго не кончили бы еще, если захотѣли бы перечислить всѣ адресы и привѣтствія и хотя ими исчерпать заслуги церкви и православію, наукѣ и государству маститаго архипастыря; очеркъ нашъ разросся бы въ объемистую книгу, если бы захотѣли мы привести хотя въ извлеченіи все, что словесно и письменно принесено было въ дань почтенія, уваженія и благоговѣнія Московскому Митрополиту Филарету въ день его пятидесятилѣтняго юбилея.—Обширность его дѣятельности, сила его значенія видны и изъ того, что уже приведено нами на память, и мы снова обращаемся къ заданному нами вопросу — откуда взялась эта сила, что способствовало ея проявленію?

Высокопреосвященный Митрополитъ Филаретъ былъ сынъ священника *), выросъ и воспитался онъ среди семьи своей; первоначальное воспитаніе его было домашнее; по свидѣтельству лицъ близкихъ къ нему, онъ всегда съ особенною любовію памятовалъ благочестивую, свѣтлымъ умомъ одаренную, мать свою и всѣмъ сердцемъ чтилъ отца своего. Такимъ образомъ священныя нѣдра русской благочестивой семьи съ ея хранителемъ—матерью и христіанское домашнее воспитаніе положили основаніе будущности Его великой личности. Въ развитіи необычайныхъ духовныхъ силъ Его, въ Его широкомъ многостороннемъ образованіи, въ многообразномъ языкознаніи, открывшемъ предъ нимъ таинства Греческой, Латинской и Французской духовныхъ литературъ, въ углубленномъ разумѣніи смысла священнаго писанія, въ чемъ не было ему равнаго, въ изощреніи какъ стрѣлы витійства своего, великій архипастырь показалъ блестящій примѣръ самообразованія и самодѣятельности русскаго духа. Что представляли во время его ранней молодости наши духовныя училища, могли ли они способствовать развитію его необыкновенныхъ дарованій? Не будетъ ошибкою сказать, что не училища, не руководители, а собственный пытливый умъ и собственная

*) Родитель Василія Михайловича, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ его рожденія, былъ рукоположенъ во іерея къ церкви Св. Троицы въ Коломнѣ. въ ямской слободѣ.

твердая воля, при помощи Божіей, возрастили ту красоту силы его, которую онъ явилъ собою міру. Онъ самъ живописуетъ трудности выполненія возлагаемыхъ на него обязанностей въ своемъ отвѣтѣ на адресъ С.-Петербургской Духовной Академіи, когда говоритъ слѣдующее: „При двухъ ректорахъ, предшествовавшихъ мнѣ, Академія, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній, имѣла разрозненное направленіе. Случай борьбы между каѳедрами богословія и словесности сдѣлался причиною того, что студенты слишкомъ мало занимались сочиненіями. Были студенты, почти оставившіе занятія богословскими науками, потому что академикъ-преподаватель возбудилъ въ нихъ сильную страсть къ математическимъ наукамъ. Я пришелъ безъ достаточнаго приготовленія къ тому, что мнѣ предлежало. *Мнѣ должно было преподавать то, что не было мнѣ преподано.* Наши тогдашнія библіотеки не скудны были старыми книгами; но не доставляли свѣдѣній о движеніи наукъ въ ближайшее время. При всемъ томъ, когда студентамъ изъяснено было, что нужно единство и усиленіе направленія, соотвѣтственнаго ихъ назначенію и достоинству Академіи: сіе напоминаніе оказалось сѣменемъ, брошеннымъ на добрую землю; посильные уроки мои принимаемы были со вниманіемъ; занятія студентовъ усилились и, наконецъ, изъ страстныхъ любителей математики вышли достойные магистры богословія“.

Такъ Онъ самъ собственными трудами долженъ

былъ добывать себѣ образованіе, которое потомъ распространялъ. Обстоятельства его образовательнаго поприща отчасти сему благопріятствовали. Въ самомъ началѣ этого поприща на него возложено было преподаваніе двухъ священныхъ языковъ Библіи, и Онъ чрезъ это преподаваніе получилъ удобство ближе ознакомиться съ коренными основами христіанскаго вѣроученія и съ твореніями отцевъ греческой церкви. Творенія святаго Григорія Богослова были особенно любимымъ его чтеніемъ; Богословъ, по своему глубокомыслію, былъ любимымъ Его писателемъ, и почившій нашъ архипастырь такъ проникался его твореніями, что до конца жизни своей помнилъ нѣкоторыя стихотворенія его на греческомъ языкѣ.

Вотъ лѣствица, которую онъ прошелъ въ земной жизни своей, и которая на оффиціальномъ языкѣ называется „послужнымъ спискомъ“. Мы смотримъ на этотъ списокъ, какъ на важный памятникъ быстроты Его развитія и разносторонности дѣятельности, и потому не опускаемъ изъ него никакихъ подробностей, а еще дополняемъ его по мѣстамъ нѣкоторыми подробностями, извлеченными изъ другихъ источниковъ.

Вотъ эта многоступенная, многотрудная лѣствица, которую прошелъ нашъ великій архипастырь, и которая наглядно даетъ понятіе, какъ образовывался этотъ великій духъ и въ какого рода дѣятельности онъ выразился, кромѣ своей святой жизни, которой горѣлъ онъ какъ яркій свѣтильникъ, указуя путь и цѣль жиз-

ни—въ жизни о Богѣ, цѣль, которую онъ превосходно выразилъ въ своемъ отвѣтѣ на извѣстное стихотвореніе А. С. Пушкина *).

Высокопреосвященный Филаретъ первоначально обучался сперва въ Коломенской, а потомъ въ Сергіево-Лаврской семинаріяхъ; обучался онъ Географіи, Исторіи, Риторикѣ, Философіи и Богословію; языкамъ: Латинскому, Греческому, Еврейскому и Французскому, и въ 1803-мъ году кончилъ курсъ наукъ со степенью студента.

Въ 1803-мъ году Ноября 21-го опредѣленъ учителемъ Греческаго и Еврейскаго языковъ въ Сергіево-Лаврскую семинарію.

---

*) Приводимъ эти оба стихотворенія.

ПУШКИНЪ.	МИТРОПОЛИТЪ ФИЛАРЕТЪ.
Даръ напрасный, даръ случайный, Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана, Иль зачѣмъ судьбою тайной Ты на казнь осуждена?	Не напрасно, не случайно, Жизнь отъ Бога мнѣ дана; Не безъ воли Бога тайной И на казнь осуждена.
* * *	* * *
Кто меня враждебной властью Изъ ничтожества воззвалъ; Душу мнѣ наполнилъ страстью, Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?	Самъ я своенравной властью Зло изъ темныхъ безднъ воззвалъ, Душу самъ наполнилъ страстью, Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
* * *	* * *
Цѣли нѣтъ передо мною, Сердце пусто, празденъ умъ, И томитъ меня тоскою Однозвучный жизни шумъ.	Вспомнись мнѣ забытый мною! Просіяй сквозь мрачныхъ думъ! И созиждется Тобою Сердце чисто, правый умъ!

Съ 1806-го года начинается извѣстность Василія Михайловича, какъ замѣчательнаго проповѣдника. Извѣстность эту онъ пріобрѣлъ словомъ на день торжества освобожденія обители Преподобнаго Сергія отъ нашествія враговъ, говореннымъ въ Троицкой Лаврѣ 1806 года Генваря 12 дня. По поводу этой проповѣди Митрополитъ Платонъ писалъ къ своему викарію Августину: „А у меня проявился отличнѣйшій проповѣдникъ, учитель Дроздовъ. Я сообщу его проповѣдь,—и удивитесь“. Но удивленію этому предстояло еще увеличиться, когда „отличнѣйшій проповѣдникъ“ въ томъ же году произнесъ слово въ великій пятокъ. Скоро обѣ эти проповѣди были напечатаны вмѣстѣ, съ однимъ общимъ одобреніемъ Митрополита Платона на заглавномъ листѣ. Съ той поры особенно явственно стало обнаруживаться благосклонное вниманіе маститаго Митрополита къ молодому учителю.

Въ Августѣ того же 1806 года, Василій Михайловичъ опредѣленъ былъ учителемъ поэзіи, такъ какъ семинарское Правленіе усмотрѣло въ немъ „отличную къ поэзіи и риторикѣ склонность“. Утверждая это назначеніе, Митрополитъ Платонъ въ своей резолюціи писалъ: „опредѣлить учителя Дроздова, и притомъ ему, для особеннаго дара, быть проповѣдникомъ при Троицкой Лаврѣ и говорить проповѣди черезъ недѣлю и, когда случится, въ праздники, и тѣ проповѣди намъ представлять. А жалованья ему произ-

водить по 250 р. въ годъ, да отъ меня по 50 р., итого по 300 р.“. Такъ Митрополитъ Платонъ со свойственною ему прозорливостію цѣнилъ необыкновенныя дарованія молодаго учителя, такъ, можно сказать, лелѣялъ и берегъ эти дарованія для высокой будущности. И молодой учитель умѣлъ соотвѣтствовать попечительнымъ о немъ заботамъ Архипастыря: онъ предавался дѣлу своего служенія со всѣмъ жаромъ непорочнаго любителя мудрости, не отуманеннаго посторонними пристрастіями. За то и повышеніе его по службѣ шло быстро. Въ началѣ 1808 года онъ утвержденъ учителемъ высшаго краснорѣчія и риторики, съ оставленіемъ въ должности проповѣдника.

Продолжительная разлука съ семьею и сосредоточенныя занятія предметами духовной учености, замѣнившими для ума и сердца Василія Михайловича родной кровъ, въ соединеніи со всегдашнею любовію его къ храмамъ Господнимъ и совершаемому въ нихъ служенію расположили его ко вступленію въ монашество. Въ Іюлѣ 1808 года Василій Михайловичъ подалъ Митрополиту Платону просьбу о постриженіи его въ монашество, въ которой между прочимъ такъ описывалъ путь, какимъ пришелъ къ сему намѣренію: „обучаясь и потомъ обучая,—писалъ онъ,—я научился по крайней мѣрѣ находить въ ученіи удовольствіе и пользу въ уединеніи. Сіе расположило меня къ званію монашескому. Я тщательно испыталъ себя въ семъ расположеніи въ теченіе почти пяти лѣтъ, проведен-

ныхъ мною въ должности учительской". Митрополитъ Платонъ, представляя эту просьбу Святѣйшему Синоду отъ себя писалъ между прочимъ: „и я по испытаніи его честныхъ и сановитыхъ нравовъ и отличнаго ученія, нахожу его способнымъ понести сіе состояніе и.... Св. Правит. Синодъ покорно прошу онаго учителя, по его желанію и по требуемой пользѣ церкви и училища, въ монашество постричь дозволить". Указомъ Св. Синода отъ 7-го Октября того же года это было дозволено. И вотъ 16 Ноября 1808 года, на утрени, въ трапезной церкви Троицко-Сергіевой Лавры, Намѣстникъ Лавры Архимандритъ Симеонъ постригъ Василія Михайловича въ монашество съ именемъ Филарета.

1808-го года Ноября 21-го, инокъ Филаретъ посвященъ въ Іеродіакона Митрополитомъ Платономъ въ Виѳаніи, въ домовой митрополичьей церкви.

1809-го года Марта 1-го, по Указу Святѣйшаго Синода, бывъ истребованъ въ С.-Петербургъ, опредѣленъ отъ бывшей Коммиссіи Духовныхъ училищъ Инспекторомъ С.-Петербургской семинаріи, съ занятіемъ въ оной каѳедры философскихъ наукъ, въ званіи Академическаго Баккалавра.

1809-го года Марта 28-го, посвященъ въ Іеромонаха.

1809-го года Августа 9-го, опредѣленъ въ должность ректора въ учрежденное при той же семинаріи Алек-

сандроневское уѣздное училище, съ прохожденіемъ прежнихъ должностей въ семинаріи.

1810-го года Февраля 8-го, переведенъ Баккалавромъ Богословскихъ наукъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ сначала преподавалъ Догматическое Богословіе и церковную Исторію, а потомъ съ 21-го Іюля того же года, преподавалъ Исторію и Древности церковныя.

1811-го года Іюня 30-го, Всемилостивѣйше пожалованъ за отличіе въ проповѣдываніи слова Божія, наперснымъ крестомъ съ драгоцѣнными камнями. А въ концѣ 1811-го года благосклонное вниманіе Государя Императора къ отличному проповѣднику выразилось особенно нѣжнымъ и трогательнымъ знакомъ, а именно: Государь Императоръ, ради заслугъ Филарета, почтилъ наградою его отца, еще здравствовавшаго въ Коломнѣ.

1811-го года Іюля 8-го, Филаретъ возведенъ въ санъ Архимандрита.

1811-года въ Іюлѣ, по назначенію Коммиссіи Духовныхъ училищъ, производилъ обозрѣніе находящимся въ С.-Петербургѣ уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ.

Въ началѣ 1812-го года отъ Коммиссіи же Духовныхъ училищъ имѣлъ порученіе образовать для окончившихъ курсъ учениковъ С.-Петербургской семинаріи классъ чтенія Св. Писанія и Св. Отцевъ и руковод-

ства къ прохожденію священнослужительскихъ должностей.

1812-го года Марта 11-го, опредѣленъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи и Профессоромъ Богословскихъ наукъ. Не первымъ уже онъ былъ ректоромъ этой академіи, но еще и на его долю пали весьма важные труды по устройству академіи. „Какихъ трудовъ,—говоритъ самъ онъ,—стоило совершителямъ благодѣтельной воли Монаршей одно то, чтобъ избрать наставниковъ, способныхъ быть образователями наставниковъ! По многимъ предметамъ знаній ихъ не было и въ виду—изысканы! Нѣкоторые не устояли въ испытаніи—даны новые. Недоставало нѣкоторымъ опытности — она восполнена неослабнымъ за ними наблюденіемъ, наставленіями, поощреніями. Еще нѣкоторые внезапностями похищены съ поприща довольно долгаго: руководимые ими сѣтовали, но немедленно получая новыхъ руководителей, не колебались и не коснили въ своемъ теченіи“. Ставъ во главѣ академіи, онъ учредилъ въ ней порядокъ, сдѣлавшійся образцомъ для всѣхъ академій, и быстро возвелъ ее на должную степень. И то еще замѣчательно, что самъ онъ не получилъ академическаго образованія, а какъ бы росъ вмѣстѣ съ академіею, и преобразованіе ея совершилъ среди множества другихъ постороннихъ работъ, постоянно поручаемыхъ ему Высшей Властію.

1812-го года Марта 27-го, архим. Филаретъ опре-

дѣленъ настоятелемъ Новгородскаго Юрьева первокласснаго монастыря.

Съ того же времени, по званію ректора, присутствовалъ въ С.-Петербургской Духовной Консисторіи.

1813-го года Іюня 29-го, за неусыпные труды по званію ректора и профессора Богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской Духовной Академіи, дѣятельность въ образованіи достойныхъ служителей олтаря Господня, назидательныя и краснорѣчивыя поученія о истинахъ вѣры, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2-й степени.

1813-го года въ Іюлѣ, съ утвержденія Коммиссіи Духовныхъ училищъ производилъ обозрѣніе С.-Петербургской семинаріи по учебной части.

1814-го года Августа 13-го, отъ Коммиссіи Духовныхъ училищъ наименованъ Докторомъ Православнаго Богословія, и такимъ образомъ первый въ нашемъ отечествѣ удостоился сего званія, не какъ почетнаго титла, но какъ отличія заслуженнаго, по выраженію диплома, „свѣтлѣйшими доказательствами учености священной и церковной, представленными частію въ академическихъ чтеніяхъ, частію въ церковныхъ рѣчахъ, а особенно въ классическихъ сочиненіяхъ, обработанныхъ по академическимъ чтеніямъ и изданныхъ съ удостоенія и одобренія Начальства, и увѣнчанными искреннимъ осуществленіемъ на дѣлѣ христіанскаго ученія“.

1814-го года Августа 27-го удостоенъ Высочайшаго рескрипта съ изъявленіемъ Монаршаго благоволенія за успѣшное окончаніе перваго академическаго курса, отличные труды и способность къ образованію юношества, и по симъ же обстоятельствамъ, въ слѣдствіе представленія Коммиссіи Духовныхъ училищъ, награжденъ пожизненнымъ пенсіономъ по 1500 рублей въ годъ.

1814-го года Августа 30-го, по именному Высочайшему Указу, назначенъ членомъ Коммиссіи Духовныхъ училищъ, бывъ еще и прежде призываемъ въ ея засѣданія по дѣламъ предъ открытіемъ округа Московскаго и предъ преобразованіемъ семинарій округа С.-Петербургскаго.

1815-го года въ Іюнѣ и Іюлѣ, по порученію Коммиссіи Духовныхъ училищъ, обозрѣвалъ Московскую Академію и семь семинарій: Новгородскую, Тверскую, Владимірскую, Ярославскую, Костромскую, Спасо-Виѳанскую и Московскую, а также и находящіяся при нихъ и на пути между ними нѣкоторыя уѣздныя и приходскія училища.

1816-го года въ Мартѣ, по указу Святѣйшаго Синода, опредѣленъ Настоятелемъ Московскаго ставропигіальнаго Новоспасскаго монастыря, съ оставленіемъ при Академіи.

1816-го года Апрѣля 8-го Высочайшимъ рескриптомъ за успѣшное обозрѣніе С.-Петербургскаго и Московскаго округовъ, и за ревностное служеніе по

части образованія духовнаго юношества, изъявлена ему совершенная признательность, и въ ознаменованіе Монаршаго благоволенія, Всемилостивѣйше пожалованъ панагіею.

1816-го года Іюня 2-го, Высочайше назначенъ былъ членомъ Комитета о рѣшеніи того,—какимъ образомъ должны производиться въ Финляндскихъ судебныхъ мѣстахъ дѣла о людяхъ духовнаго званія Греко-россійскаго исповѣданія.

1816-го года Іюля 16-го, Высочайше утвержденъ членомъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества.

1817-го года Марта 3-го, начначенъ членомъ Высочайше учрежденнаго Строительнаго Комитета при С.-Петербургской Духовной Академіи.

1817-го года Апрѣля 7-го, назначенъ членомъ Главнаго Правленія училищъ.

1817-го года въ Іюлѣ, произвелъ обозрѣніе С.-Петербургской семинаріи по всѣмъ ея частямъ.

1817-го года Іюля 23-го, въ слѣдствіе представленія Амвросія, Митрополита Новгородскаго, Именнымъ Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, Всемилостивѣйше повелѣно быть ему Викаріемъ С.-Петербургской Епархіи, съ саномъ Епископа Ревельскаго и съ оставленіемъ за нимъ должности Ректора Академіи и управленія Новоспасскимъ монастыремъ.

1817-го года Августа 5-го, хиротонисанъ во Епи-

скопа въ С.-Петербургѣ въ Троицкомъ Соборѣ Александроневской Лавры.

1818-го года Августа 26-го, за новые труды, по возложенію Коммиссіи Духовныхъ училищъ, подъятые въ 1818-мъ году, при производствѣ испытанія студентовъ Московской Духовной Академіи, и вообще при обозрѣніи Академіи и Семинарій: Московской, Виѳанской, Тверской и Новгородской, а также нѣкоторыхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, и за заслуги Церкви и Отечеству, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Анны перваго класса.

1819-го года Марта 15-го, Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, повелѣно быть ему Архіепископомъ Тверской Епархіи и вмѣстѣ членомъ Святѣйшаго Синода.

1819-го года Іюля 25-го, объявлена Высочайшая благодарность за составленіе проэкта поощрительнаго учрежденія при С.-Петербургской Духовной Академіи.

1820-го года Сентября 26-го, Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, повелѣно быть ему Архіепископомъ Ярославской Епархіи.

1821-го года Іюля 2-го, Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Правительствующему Синоду, повелѣно быть ему Архіепископомъ Московской Епархіи и Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Архи-

мандритомъ, съ присутствованіемъ въ Московской Синодальной конторѣ.

1822-го года Октября 28-го, согласно прошенію Высочайшимъ рескриптомъ уволенъ отъ званія члена Главнаго Правленія училищъ. Причемъ объявлено было ему Высочайшее благоволеніе за труды по Главному Училищъ Правленію.

1823-го года Іюня 2-го, Высочайшимъ рескриптомъ за дѣятельное служеніе церкви и духовному просвѣщенію, какъ въ прохожденіи пастырскаго поприща въ разныхъ Епархіяхъ, такъ равно и по званію члена Святѣйшаго Синода и Киммиссіи Духовныхъ училищъ, за назидательные труды въ поученіе паствѣ и начертаніе, по духу Православной Восточной церкви и въ разумѣ Евангельской истины, катихизиса, одобреннаго Святѣйшимъ Синодомъ, сопричисленъ къ ордену Св. Александра Невскаго.

1825-го года Декабря 25-го, по случаю восшествія Его Императорскаго Величества, въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича на прародительскій престолъ, въ слѣдствіе представленія Его Величеству описанія открытія хранившагося въ Успенскомъ соборѣ акта въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Павловича, Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ.

1826-го года Августа 22-го, за заслуги, оказанныя церкви, и отличное служеніе возведенъ въ санъ Мит-

рополита, причемъ Всемилостивѣйше пожалованъ бѣлымъ клобукомъ съ крестомъ изъ драгоцѣнныхъ камней.

1828-го года Генваря 7-го, по напечатаніи въ Синодальной типографіи, по Высочайшему соизволенію, составленныхъ имъ Краткой Священной исторіи, также Краткаго и Пространнаго катихизисовъ, съ прибавленіемъ наставленій для воиновъ, и поднесеныхъ Его Величеству, объявлена Высочайшая благодарность.

1831-го года Апрѣля 19-го, за ревностное и многодѣятельное служеніе въ Архипастырскомъ санѣ, достойно носимомъ, а притомъ многіе похвальные подвиги и труды, на пользу церкви и государства постоянно оказываемые, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

1832-го года Декабря 9-го, въ благодарность за труды въ сочиненіи книги: „Сказаніе о обрѣтеніи честныхъ мощей иже во святыхъ отца нашего Митрофана, перваго Епископа Воронежскаго, и о благодатныхъ при томъ знаменіяхъ и чудесныхъ исцѣленіяхъ, извлеченное изъ актовъ и донесеній, имѣющихся въ Святѣйшемъ Синодѣ“, по указу Святѣйшаго Синода выдано ему безденежно сей книги 100 экземпляровъ.

1834-го года Апрѣля 30-го, объявлена благодарность Святѣйшаго Синода за пожертвованіе митры (древняго устроенія) изъ ризницы каѳедральнаго Чудова монастыря въ пользу Екатеринбургской Архіерейской ризницы.

1839-го года Марта 26-го, за долговременное служеніе церкви и отечеству, ознаменованное разнообразными и многотрудными занятіями ко благу церкви и за неутомимое трудолюбіе по разнымъ частямъ высшаго духовнаго управленія, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени, большаго креста.

1842-го года Сентября 21-го, объявлена признательность Святѣйшаго Синода за пожертвованіе отъ каѳедральнаго Чудова монастыря Преосвященнѣйшему Іосифу, Архіепископу Литовскому, саккоса и омофора золотой парчи и другихъ драгоцѣнныхъ ризничныхъ вещей.

1849-го года Апрѣля 3-го, за неусыпныя попеченія о ввѣренной Епархіи, при многолѣтней опытности и назидательномъ проповѣданіи слова истины, которыя являютъ просвѣщенно ревностнаго пастыря стада Христова, и уважая сіи отличныя достоинства и неутомимо совершаемые въ пользу Православной церкви и отечества подвиги, Всемилостивѣйше пожалованъ алмазными знаками ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

1851-го года Августа 22-го, за долговременное служеніе церкви и отечеству, при отличныхъ дарованіяхъ, украшаемое непрерывными подвигами благочестивой ревности объ утвержденіи въ сердцахъ св. Православныя вѣры, и по случаю исполнившагося тридцатилѣтія архипастырской дѣятельности и двадцатипятилѣтія въ

санѣ Митрополита, Всемилостивѣйше пожалованъ осыпанною алмазами панагіею.

По случаю принесенія Московскимъ Духовенствомъ въ Соборный храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы златой дарохранительницы, въ воспоминаніе протекшаго двадцатипятилѣтія со времени вѣнчанія и священнаго помазанія Императора Николая I на прародительскій престолъ, объявлена искренняя Высочайшая признательность за высокое архипастырское служеніе Православной церкви и отечеству.

1854-го года Генваря 10-го, за вѣрноподданническое приношеніе отъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ каѳедральнаго Чудова монастыря и приписнаго къ нему Николо-Перервинскаго монастыря 50,000 руб. сер., для употребленія на настоявшія потребности православныхъ воиновъ и войны, объявлена Высочайшая благодарность.

1854-го года Ноября 6-го, за труды, понесенные въ дѣлѣ обращенія рогожскихъ раскольниковъ ко св. Церкви, и истинно-пастырскую распорядительность въ семъ дѣлѣ, объявлена признательность и благодарность Святѣйшаго Синода.

1855-го года Марта 18-го, за пожертвованіе на военныя надобности отъ обителей Московской Епархіи и отъ церквей г. Москвы 110,600 руб. сер., Высочайшимъ рескриптомъ изъявлено совершенное благоволеніе Его Императорскаго Величества.

Въ 1856 году, по Высочайшему повелѣнію, 26-го

Августа совершалъ священное коронованіе и помазаніе на царство Его Императорскаго Величества.

Тогда же, за неутомимо продолжаемое въ просвѣщенной ревности по вѣрѣ православной съ пламеннымъ усердіемъ къ церкви, престолу и отечеству, съ опытнымъ знаніемъ церковныхъ дѣлъ и духовныхъ нуждъ паствы, многолѣтнее архипастырское служеніе, украшенное его отличными дарованіями, Всемилостивѣйше пожалованъ ему осыпанный драгоцѣнными камнями посохъ.

1857-го года Мая 31-го, за особенное постоянное попеченіе о благоустройствѣ Московской Духовной Академіи, объявлена признательность Святѣйшаго Синода.

1860-го года Декабря 30-го, Высочайшимъ рескриптомъ за труды въ дѣлѣ сбора въ пользу сельскихъ церквей Могилевской Епархіи священной утвари и ризъ, объявлена ему Высочайшая признательность.

1861-го года Мая 21-го, Всемилостивѣйше пожалована ему золотая медаль, установленная за труды по крестьянскому дѣлу.

1861-го года Іюня 6-го, Всемилостивѣйше пожалованъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями.

1861-го года Сентября 7-го, Его Величествомъ Королемъ Греціи, при граматѣ отъ 28-го Іюля 1861-го года, пожалованъ знаками Ордена Спасителя, большаго Креста.

1862-го года Октября 31-го, за пожертвованіе, въ количествѣ 10,110 руб. сер. отъ духовенства Московской Епархіи въ пользу пострадавшихъ отъ пожара жителей С.-Петербурга, объявлена ему благодарность отъ Высочайшаго имени Государыни Императрицы.

1864-го года Апрѣля 23-го, объявлена признательность Свят. Синода за труды по измѣненію изображеній и надписи на свящ. антиминсахъ.

Іюля 21-го объявлена благодарность Его Императорскаго Величества за пожертвованіе на исправленіе зданія Заиконоспасскихъ дух. училищъ и на содержаніе воспитанниковъ Моск. дух. Академіи.

Октября 23-го объявлена признательность Свят. Синода за заботливость и стараніе къ увеличенію свѣчнаго дохода.

Октября 29-го объявлена признательность Свят. Синода за попечительность о погорѣвшихъ въ г. Симбирскѣ церквахъ и жителяхъ.

1865-го года Февраля 10-го, объявлена признательность Свят. Синода за пожертвованіе 7,000 руб. сер. въ день пятидесятилѣтія Моск. Семинаріи.

Ноября 4-го объявлена Высочайшая благодарность за увеличеніе на счетъ неокладныхъ суммъ Моск. каѳедры содержанія наставникамъ, эконому и доктору Моск. дух. Академіи.

1866-го года Февраля 21-го, объявлена признательность Свят. Синода за пожертвованіе изъ суммъ Московской каѳедры: 1) на исправленіе ветхостей въ

зданіяхъ Дмитр. дух. училища — 1639 руб. 55 к., 2) на пошитіе теплой одежды казеннокоштнымъ ученикамъ Звенигород. дух. училища—538 руб. и 3) на пріобрѣтеніе физическаго кабинета для Виѳанской Семинаріи—700 руб.

Сентября 3-го объявлена Высочайшая благодарность за пожертвованіе 7,000 руб., въ пользу наставниковъ Виѳанской Семинаріи.

1867-го года Января 19-го, изъявлена Высочайшая благодарность зя пожертвованіе Моск. духовенствомъ 8,500 руб. въ пользу пострадавшихъ семействъ Кандіотовъ.

Августа 5-го Высочайшимъ рескриптомъ, въ день исполнившагося пятидесятилѣтія служенія въ Епископскомъ санѣ, за непрерывныя заботы о духовномъ преуспѣяніи паствъ, о развитіи и пріумноженіи благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, о насажденіи и утвержденіи единовѣрія, о благоустройствѣ Духовно-учебныхъ заведеній епархіи, за щедрую поддержку оныхъ, многочисленныя пастырскія писанія, глубокую опытность въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, пастырскую попечительность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра, простирающееся далеко за предѣлы отечества,—предоставлено право, по Кіевскому обычаю, предношенія креста въ священнослуженіи, ношенія креста на митрѣ и двухъ панагій на персяхъ.

При семъ Всемилостивѣйше пожалована украшен-

ная драгоцѣнными каменьями Панагія на брилліантовой цѣпочкѣ, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ вензелей Его Величества и двоихъ Державныхъ предшественниковъ Его, при которыхъ проходилъ свое служеніе, и съ надписью вокругъ нея: „Преосвященному Митрополиту Филарету, въ память пятидесятилѣтняго служенія Церкви и Отечеству, 5-го Августа 1817-го года—5-го Августа 1867-го года, въ царствованіе Александра I, Николая I и Александра II.

Вмѣстѣ съ симъ, въ вознагражденіе заслугъ собственно государственныхъ и незабвеннаго служенія при трехъ Императорахъ, Его Величество Всемилостивѣйше пожаловалъ настольные портреты Его Величества и двухъ Его предшественниковъ, соединенные вмѣстѣ, осыпанные брилліантами и украшенные большою Императорскою короною.

Такимъ образомъ, не прерывая дѣятельности до самой смерти своей, Митрополитъ Филаретъ, въ Августѣ 1867-го года достигъ пятидесятилѣтняго юбилея служенія своего въ Архіерейскомъ санѣ. Мы видѣли выраженіе въ это время народной и общественной любви къ нему, видѣли и Царское вниманіе къ маститому и знаменитому юбиляру.... Казалось, всѣ уже почести, всѣ награды, приличествующія лицу духовному, были исчерпаны для Высокопреосвященнаго Филарета, но царское благоволеніе нашло еще чѣмъ пожаловать его: ему прислана была драгоцѣнная панагія, предоставлено право, по кіевскому обычаю, предношенія

креста въ священнослуженіи, ношенія креста на митрѣ и двухъ панагій на персяхъ, пожалованы настольные портреты трехъ Императоровъ: Александра Благословеннаго, Николая I-го и нынѣ благодатно царствующаго Александра II-го, соединенные вмѣстѣ, осыпанные брилліантами и украшенные большою Императорскою короною.

Такъ, неусыпнымъ трудомъ и доблестными подвигами, изъ учителя Семинаріи, изъ скромнаго монаха, вышеозначенной многотрудной лѣствицей Высокопреосвященный Филаретъ достигъ высочайшей степени величія, возможной въ его санѣ. Но его умственная и нравственная высота открывалась на всѣхъ ступеняхъ его общественнаго служенія, и привлекала къ нему благоволительное вниманіе людей, способныхъ по достоинству оцѣнить его высокія духовныя доблести.

Еще въ скромной долѣ учителя Лаврской Семинаріи онъ нравственнымъ своимъ направленіемъ, своими проповѣдями, обличавшими глубокое разумѣніе богословскаго ученія, вскорѣ обратилъ на себя особенное вниманіе престарѣлаго Московскаго Архипастыря. Отъ Москвы его ученыя достоинства вызвали его въ Петербургъ; тамъ въ Академіи онъ совершилъ то преобразованіе, о которомъ самъ скромно свидѣтельствуетъ въ письмѣ на имя отца Янышева. Гдѣ онъ ни является, вездѣ обращаетъ особенное вниманіе на себя: въ Петербургѣ онъ привлекаетъ къ себѣ сердце С.-Петербургскаго Митрополита, который высказываетъ ему

желаніе назначить его въ помощники себѣ.... Не за честь, а за подвигъ принимаетъ онъ сіе назначеніе и на свое служеніе смотритъ, какъ на подвигъ, до самаго конца своей жизни.

Перейдемъ ли отъ дѣятельности его среди духовенства въ другую сферу, и тутъ яркость его личности не блѣднѣетъ, а напротивъ пріобрѣтаетъ новыя краски: ни для кого не тайна, какимъ довѣріемъ удостоилъ его Императоръ Александръ Павловичъ, вручивъ ему государственную тайну престолонаслѣдія послѣ своей смерти и актъ отреченія отъ престола Великаго Князя Константина Павловича, съ какимъ уваженіемъ относились къ нему Государь Императоръ Николай Павловичъ и нынѣ благополучно царствующій Императоръ Александръ Николаевичъ. Митрополитъ дѣлается мудрымъ совѣтникомъ царей и истинно государственнымъ человѣкомъ. Стократъ почтенна такая личность: рѣдкостное совмѣщеніе въ святителѣ Филаретѣ разнообразнѣйшихъ духовныхъ доблестей, какими ознаменовалъ Онъ свое служеніе церкви и отечеству, какъ мужъ науки, подвижникъ духовной жизни, мудрый правитель дѣлъ церковныхъ, а по прикосновенности съ ними не менѣе мудрый государственный человѣкъ, возносятъ Его превыше лицъ Его званія до сихъ поръ занимавшихъ Его постъ на Руси....

При всемъ высокомъ положеніи своемъ, при высокой духовной и нравственной чистотѣ, при глубокомъ умѣ, которымъ далеко опередилъ современниковъ, Мит-

рополитъ Филаретъ былъ доступенъ всѣмъ и каждому: Московское непосредственно подначальное Ему духовенство такъ свидѣтельствуетъ о Его отношеніяхъ къ нему: „Всѣ мы съ великимъ утѣшеніемъ видѣли въ Тебѣ поучительный примѣръ безкорыстія, умѣренности, простоты жизни и духовнаго искуства — довольствуясь малымъ, весь избытокъ посвящать на дѣла благотворенія. Твое постоянное вниманіе къ бѣдному духовенству, заботливость объ устроеніи сиротъ, о призрѣніи вдовъ, о воспитаніи дѣвицъ, для которыхъ въ недавнее время устроено тобою обширное учебное заведеніе,—все это давно пріобрѣло Тебѣ между нами высокое имя Отца вдовъ и сиротъ.“

Онъ не ограничивалъ свои благопопеченія однимъ бѣлымъ духовенствомъ; искренно и отъ глубины души сочувствуя монашеству, Онъ не въ очень давнее время выражалъ свое вниманіе къ его благоустроенію, составивъ въ 1852-мъ году „Правила благоустройства монашескихъ братствъ въ Москвѣ“, которыя утверждены Святѣйшимъ Синодомъ и введены въ дѣйствіе съ 1863 года. Въ этихъ начертанныхъ Имъ правилахъ ясно выразилось Его возрѣніе на значеніе въ настоящее время монашества, и въ основаніи монашества положены слѣдующія правила:

1) Житіе монашеское должно быть благоустроено на незыблемомъ основаніи слова Божія, при пособіи наставленій и примѣровъ святыхъ отецъ: ибо только на семъ основаніи зданіе духовной жизни и спасенія

воздвигается прочно и благонадежно; а что строится на пескѣ помысловъ и желаній человѣческихъ, то не твердо и угрожаетъ паденіемъ великимъ.

2) Дающій обѣтъ послушанія и отреченія отъ своей воли и отъ своего мудрованія, долженъ основывать оный на словѣ Господнемъ: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по Мнѣ грядетъ* (Матѳ. 16, 24).

3) Дающій обѣтъ цѣломудрія, долженъ внимать слову Христову: *могій вмѣстити, да вмѣститъ.* (Матѳ. 19, 12), и слову Апостольскому: *не оженивыйся печется о Господнихъ, како угодити Господеви* (1 Кор. 7, 32).

4) Дающій обѣтъ нестяжанія долженъ утверждаться на словѣ Христовомъ: *аще хощеши совершенъ быти, иди, продаждь имѣніе твое, и даждь нищимъ: и имѣти имаши сокровище на небеси: и гряди въ слѣдъ Мене* (Матѳ. 19, 21).

5) Къ вѣрному и неослабному исполненію сихъ обѣтовъ должно побуждать себя словомъ Христовымъ: *никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи.* (Лук. 9, 62).

6) О благотворности послушанія, о потребности духовнаго руководства, объ опасномъ поползновеніи жить по своей волѣ, должно вразумлять себя словомъ премудраго Соломона: *имже нѣсть управленія, падаютъ, аки листвіе; спасеніе же есть во мнозѣ совѣтѣ* (Притч. 11, 14).

7) Отъ сихъ главныхъ началъ должны происходить, и къ нимъ быть примѣняемы всѣ правила и распоряженія благоустрояющія монастырское братство въ совокупности и поведеніе каждаго лица въ братствѣ, простирающіяся не только на жизнь духовную и нравственную, но и на состояніе внѣшняго благочинія и хозяйства.“

Взглянемъ еще на служебное Его поприще. Какая необыкновенная многосторонность дѣятельности, и какая быстрота развитія: въ 1803-мъ году—студентъ, въ 1812-мъ ректоръ и профессоръ Академіи, въ 1814-мъ году докторъ богословія; въ 1808-мъ году — монахъ, въ 1817-мъ Епископъ, въ 1819-мъ Архіепископъ. Въ 1817-мъ С.-Петербургскій Викарій, въ 1826 году Митрополитъ Московской Епархіи. Кто не проникнется уваженіемъ къ такой личности, которая почти каждый годъ принимала на себя новыя трудныя и все болѣе и болѣе сложныя обязанности, и даже не рѣдко, и въ продолженіи однаго года, къ прежнимъ обязанностямъ присоединяла новыя, и вездѣ прошла не только не безъ слѣда, но вносила съ собой новый яркій свѣтъ улучшеній и преобразованія, какъ Митрополитъ Филаретъ? Изъ приведеннаго нами списка ступеней его дѣятельности видно, что въ 1809-мъ году онъ въ Мартѣ назначается инспекторомъ С.-Петербургской Семинаріи и профессоромъ философскихъ наукъ, чрезъ пять мѣсяцевъ является ректоромъ учрежденнаго при Семинаріи Александроневскаго Училища, не покидая

въ тоже время прохожденія прежнихъ должностей въ Семинаріи, далѣе въ 1810-мъ году переводится на каѳедру Богословскихъ наукъ, какъ Баккалаваръ С.-Петербургской Духовной Академіи, гдѣ сначала преподаетъ Догматическое Богословіе и церковную исторію, а потомъ церковную же исторію и церковныя древности; въ 1811-мъ году, бывъ произведенъ въ санъ Архимандрита, открываетъ новые, доселѣ не бывшіе заведенными, классы чтенія Св. Писанія и Св. Отецъ для руководства окончившимъ курсъ семинарскаго ученья къ прохожденію священно-служительскихъ должностей; въ 1812-мъ году онъ уже назначается ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи и профессоромъ Богословскихъ наукъ, въ 1814-мъ году членомъ Коммиссіи духовныхъ училищъ.... Но мы снова долго бы не кончили: намъ пришлось бы пройти всю лѣствицу Его восхожденія, если бы мы задались задачею сдѣлать всѣ сопоставленія его крайне разнообразной дѣятельности. Предоставляя это читателю, обратимъ теперь вниманіе на дѣятельность Его, какъ оратора—проповѣдника и писателя.

Глубина Его Богопознанія находила необычайно сильное энергическое выраженіе въ его словѣ; даже въ послѣднее время, когда голосъ его уже значительно ослабѣлъ, его полушопотъ, которымъ онъ произносилъ слова и рѣчи свои, производилъ на тѣхъ, кто имѣлъ возможность слышать Его, глубокое впечатлѣніе: сила, главнымъ образомъ, сказывалась въ образѣ выраженія

и въ тѣхъ оттѣнкахъ, которые онъ придавалъ своимъ произношеніемъ; это былъ ораторъ въ полномъ смыслѣ этого слова. И теперь можно представить себѣ, какое дѣйствіе производили замѣчательныя слова его на праздникъ Пятидесятницы и Рождество Христово въ 1811-мъ году, слово при гробѣ Кутузова въ 1813-мъ году, „О гласѣ вопіющаго въ пустынѣ въ 1814-мъ году,“ когда онъ былъ въ лучшей порѣ своего физическаго развитія. При этомъ, какъ вѣрный учитель Божественной истины, онъ отважно являлся глашатаемъ правды во время смутъ, возникшихъ въ Россіи послѣ кончины Императора Александра I-го, и въ скорбную годину первой холеры 1830 года. Слово его утѣшало и врачевало; оно всегда являлось провозвѣстникомъ мира и любви, оно взывало къ молитвѣ, къ единенію. Намъ приходилось не разъ быть свидѣтелемъ покоряющаго дѣйствія уже ослабѣвшаго силою произношенія его, по прежнему мощнаго силою содержанія слова: звукъ его едва внятно доносился до лицъ помѣщавшихся вблизи Архипастыря, смыслъ, видимо, ловился напряженіемъ всѣхъ чувствъ, блестящіе, необычайно подвижные глаза Архипастыря какъ бы дополняли то, въ чемъ отказывалъ ему голосъ, и эта тихая рѣчь подъ высокими сводами храма, какъ бы откровеніе свыше, всегда производила необычайно глубокое впечатлѣніе. Кто имѣлъ возможность слышать чтеніе имъ двѣнадцати Евангелій въ четвергъ страстной недѣли, тотъ, разумѣется, не забудетъ впечатлѣ-

нія этого чтенія на всю свою жизнь: глубокое пониманіе и толкованіе слова Божія слышалось въ этомъ чтеніи, вмѣстѣ съ проникновеніемъ глубокимъ чувствомъ чтеца.

Какъ религіозно-политическій дѣятель, онъ замѣчателенъ участіемъ въ уничтоженіи уніи и миролюбивымъ, совершенно въ духѣ христіанскаго смиренія, вліяніемъ на искорененіе раскола; лучшимъ средствомъ для сего, переходною, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣствительною ступенью къ возврату въ нѣдра церкви, главнымъ образомъ при помощи его усилій, было единовѣріе, особенно расширившееся и утвердившееся въ періодъ служенія Высокопреосвященнѣйшаго Филарета русской церкви. Какъ бы въ награду его усилій по этому дѣлу, какъ бы въ предвѣстіе исполненія его проповѣди о единеніи въ любви, подъ конецъ жизни его, подъ благословеніе его святительской руки притекли главные вожатаи старообрядчества поповскаго толка — Пафнутій, Онуфрій и друг. и, отказавшись отъ своего противленія церкви православной, смѣнили свои неправыя архіерейскія облаченія на скромное, но правое одѣяніе иноковъ единовѣрія.... Москва видѣла ихъ открыто грядущими въ слѣдъ гробу великаго іерарха.

Русская духовная литтература въ твореніяхъ и ученыхъ трудахъ Высопреосвященнаго Филарета пріобрѣла вѣковѣчные памятники, ставшіе классическими еще при жизни автора: христіанскій катихизисъ его,

по которому обучалось нѣсколько поколѣній, напечатанъ въ 1867-мъ году пятьдесятъ девятымъ изданіемъ. Начатки христіанскаго православнаго ученія, въ 1865 году оттиснуты сто пятымъ изданіемъ *); изъ обширныхъ сочиненій его замѣчательны: „Начертаніе Церковно-Библейской исторіи," „Записки, руководствующія къ основательному разумѣнію книги Бытія," „Слова и рѣчи," вышедшія уже вторымъ изданіемъ. Замѣчательно также Его „Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812-го года". Замѣчательно и все, что выходило изъ подъ пера его.

Какъ дѣятелю—организатору духовно-учебныхъ заведеній, ему принадлежитъ преобразованіе Московской Семинаріи и Сергіево-Лаврской духовной Академіи, которыя могутъ служить образцовыми заведеніями въ своемъ родѣ. Ему же принадлежитъ устроеніе училища для дѣвицъ духовнаго званія, открытаго въ Москвѣ у Харитонія въ Огородникахъ.—Дѣти, нашедшія себѣ здѣсь пріютъ, не имѣли счастія видѣть свѣтлаго лица его; они увидѣли своего отца и благодѣтеля уже бездыханнымъ.

Въ отношеніи дѣятельности по управленію ввѣренною ему эпархіей, онъ проявлялъ энергію необыкно-

---

*) Всѣхъ духовно-воспитательныхъ книгъ его сочиненія было 360 изданій, и одна Московская синодальная типографія выпустила ихъ болѣе 1,200,000 экземпл.

венную, даже и въ послѣднее время, уже послѣ юбилея, по возвращеніи изъ лавры онъ удивлялъ своею неутомимостію.

Но какъ ни многихъ сторонъ дѣятельности Высокопреосвященнаго Филарета касались мы доселѣ, нами, въ этомъ краткомъ очеркѣ жизни великаго іерарха, далеко еще не вся она исчерпана; въ числѣ его безчисленныхъ трудовъ есть еще великій трудъ, о которомъ мы не упоминали, въ числѣ его подвиговъ есть еще подвигъ, нами не описанный; въ оставленномъ имъ всему русскому народу духовномъ наслѣдствѣ есть еще драгоцѣнность, которой мы еще не выставили на видъ, это его святая, строго—подвижническая жизнь, жизнь въ Бозѣ для примѣра и поученія Православнаго міра.... Въ своей жизни Высокопреосвященный Митрополитъ Филаретъ явилъ намъ высокій поучительный примѣръ молитвы, духовныхъ подвиговъ, смиренномудрія, неизсякаемой любви къ Богу и къ ближнему, которыя составляютъ вѣнецъ духовной мудрости и истинныхъ знаній, и которыя особенно высоко чтитъ православный русскій народъ.

Характеръ народа непосредственно выражается въ великихъ людяхъ, выходящихъ изъ этаго народа, и наоборотъ. Русскій народъ особенно и превыше всего почитаетъ духовные подвиги не только іерарховъ и своихъ духовныхъ предстоятелей, но и частныхъ людей; поэтому-то, созерцая духовную красоту своихъ учителей, строгость ихъ жизни, смиреніе, ихъ постъ

и молитву, онъ ставитъ эти доблести превыше всего и проникается благоговѣйнымъ уваженіемъ къ личности, которая, при всей сокровенности своей внутренней жизни, дѣлается всюду извѣстною подвигами своей духовной жизни.

Митрополитъ Филаретъ являлъ собою трудно достигаемый примѣръ духовно-подвижнической жизни: слабый здоровьемъ отъ природы, какъ мы уже видѣли, чрезмѣрно дѣятельный, онъ былъ необычайно постенъ; постъ и молитва — были всегда соприсущія ему два крыла, на которыхъ онъ возносился, просвѣщеннымъ Божественнымъ ученіемъ, умомъ своимъ высоко надъ современниками. Постъ и молитва, всегда присущіе спутники жизни его, доходили во дни Св. Четыредесятницы и особенно въ страстную седмицу до рѣдкой въ наши дни строгости аскетическаго подвижничества: по преданіямъ и разсказамъ людей близкихъ къ нему, всю страстную недѣлю онъ питался просфорой и не употреблялъ никакой другой пищи; съ молитвой и постомъ онъ всегда жаждалъ соединять уединеніе и большую часть послѣдняго времени жизни своей проводилъ въ устроенномъ имъ же Геѳсиманскомъ скиту, гдѣ чаялъ и почить на вѣки. Онъ всегда взывалъ къ этому уединенію, какъ вожделѣнному своему пристанищу, и въ словѣ своемъ на освященіе храма, устроеннаго надъ мощами преподобнаго Михея, въ Сергіевой Лаврѣ, особенно вдохновенно выразилъ всю свою любовь къ уединенію, всю свою жажду пустыннаго

жительства: *Кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ; и полещу, и почію?* взывалъ онъ въ этомъ словѣ словами Псалмопѣвца отъ глубины души, жаждущей пустыннаго безмолвія. Простота и крайняя несложность его жизненной обстановки въ его Московскомъ мѣстопребываніи и въ лаврскомъ убѣжищѣ доходила почти до суровости келліи пустынника въ его любимомъ пріютѣ, въ Геѳсиманскомъ скиту. — Простые полы, простая мебель, небольшая библіотека и трудъ, постоянно сопровождавшій его даже и въ уединеніи, служили ему обычной обстановкой въ его жизни. Во время пребыванія въ скиту, онъ несъ свой духовный подвигъ наравнѣ съ братіей, мало даже и въ пищѣ разнясь отъ скитскихъ подвижниковъ; почти во всякое время богослуженія чрезъ окно, которое выходитъ изъ его келліи въ церковь, его можно было видѣть стоящимъ на молитвѣ.

При подобномъ настроеніи чистой души Филарета, въ немъ естественно и въ высшей степени проявлялось полное отсутствіе любостяжанія, которое не чуждо иногда бываетъ и служителямъ церкви; онъ рѣшительно не зналъ и никогда не имѣлъ въ виду получаемыхъ имъ окладовъ, и иногда спрашивалъ привозившихъ ему деньги „откуда это?“ или „что это такое?“; благотворительная рука его была открыта всѣмъ обращавшимся къ нему съ прошеніемъ помощи, и дѣлая вспоможенія, онъ какъ бы избѣгалъ разузнанія поводовъ обращенія къ нему, оставляя употребле-

ніе его вспоможенія на отвѣтственность просящаго. Домъ его во всякое время былъ открытъ для всѣхъ нуждающихся въ его бесѣдѣ, въ уясненіи жизненныхъ вопросовъ, врачеваніи душевныхъ ранъ, или ищущихъ матеріальной помощи его.

Много семействъ Москвы имѣло въ немъ постояннаго руководителя, и во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни шли къ нему за совѣтомъ и руководствомъ. И великій пастырь, многосторонне понимавшій свое назначеніе, всегда готовъ былъ на помощь нуждающимся, на врачеваніе страждущихъ.

Глубоко трогательны и поучительны отношенія его къ матери; глубоко уважалъ онъ мать свою, примѣръ необыкновеннаго уваженія къ родителямъ являлъ онъ въ своихъ отношеніяхъ къ ней; трогательны попеченія его о своей матери въ послѣднее время жизни ея: послѣ смерти брата своего, у котораго жила она въ Коломнѣ, онъ перевезъ ее въ Москву, помѣстилъ неподалеку отъ своего мѣстожительства, и рѣдкій день не видался съ ней;—прихварывала-ли старушка, архипастырь спѣшилъ къ ней и днемъ, и ночью, иногда не дожидаясь кареты, пѣшкомъ съ фонаремъ, въ сопровожденіи келейника. Онъ самъ положилъ въ гробъ ее, самъ и отпѣлъ виновницу жизни своей. Такимъ образомъ, примѣромъ собственной жизни своей, святитель завѣщавалъ хранить всѣмъ одну изъ величайшихъ заповѣдей Божіихъ: „Чти отца твоего и матерь твою, и долголѣтенъ будеши на землѣ“. Какъ все это

просто и вмѣстѣ какъ все глубокознаменательно и значительно:—онъ училъ не только однимъ словомъ, но и дѣломъ своимъ....

Митрополитъ Филаретъ былъ явленіе необыкновенное въ русской жизни. Взять на себя смѣлость объяснить все значеніе служенія его цѣлому періоду русской церковной исторіи, было-бы дерзостью въ настоящее время: за нимъ осталась ничѣмъ ненаполненная пустота, которая естественно требуетъ наполненія хотя воспоминаніями о немъ, замѣтками о его личности, матеріалами для его полнаго, поучительнаго жизнеописанія.

Современникамъ трудно произносить судъ надъ современностію; Митрополитъ Филаретъ принадлежитъ тремъ, одна за одной пережитымъ, эпохамъ — тремъ блестящимъ царствованіямъ — Александра Благословеннаго, Николая I-го Мудраго и Александра II-го Освободителя, — царствованіямъ, во время которыхъ такъ разносторонне и разнообразно развернулась Россія.... Такая личность, какъ Митрополитъ Филаретъ, не могла быть безучастна ко всему этому движенію и это болѣе или менѣе извѣстно, что она не была безучастна. — Легче и доступнѣе оцѣнить дѣятелей, которые избирали себѣ одинъ путь жизни, одну сторону духовной дѣятельности; легче вмѣщаются въ рамки изслѣдованія для настоящаго времени и такія крупныя личности, какъ Платонъ, св. Тихонъ Воронежскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Стефанъ Яворскій,

Иннокентій и Макарій, лица отодвинутыя отъ насъ пространствомъ времени, и изъ отдаленья временъ представляющія намъ довольно выясненные образы; но для того, чтобы выяснить личность Митрополита Филарета, надо подняться выше своего времени и имѣть возможность обозрѣть его мысленнымъ взоромъ: Митрополитъ Филаретъ, какъ его характеризуетъ одинъ изъ уважаемыхъ журналистовъ нашего времени: „былъ не представителемъ эпохи; онъ самъ и былъ эта эпоха; онъ не выражалъ свое время, а руководилъ время“.

Будемъ-же продолжать нашъ очеркъ, единственно въ предѣлахъ возможнаго для настоящаго времени, въ предѣлахъ воспоминаній и наблюденія.

Теперь мы приближаемся къ заключенію этой великой жизни нашего іерарха, ко днямъ, въ которые онъ самъ чудеснымъ образомъ почувствовалъ близость конца дней своихъ; послѣ юбилея Высопреосвященный оставался въ уединеніи Сергіевой Лавры, гдѣ большую часть времени своего посвятилъ отвѣтамъ на полученныя имъ привѣтствія, отвѣтамъ, въ которыхъ предъ закатомъ блеснулъ могучій яркій свѣтъ ума его, глубокомыслія и той силы и образности его выраженій, которыя всегда дѣйствовали обаятельно въ его проповѣдяхъ и рѣчахъ.

17-е Сентября 1867 года было днемъ предвѣстія близости скончанія его земнаго теченія: предъ нимъ явился отецъ его и завѣщалъ „*беречь* 19 число“; онъ

передалъ это откровеніе намѣстнику Святотроицкія лавры, о. Антонію, съ которымъ издавна былъ въ самыхъ близкихъ духовныхъ отношеніяхъ.

Вотъ какъ повѣствуетъ сей послѣдній объ этомъ знаменательномъ предвѣстіи:

„17-го Сентября, — владыка митрополитъ былъ въ это время въ лаврѣ, — по окончаніи ранней литургіи въ его домовой церкви, я явился къ нему съ обычнымъ, повторявшимся каждый день, докладомъ о состояніи обители; онъ послѣ моего доклада говоритъ мнѣ: „Я нынѣ видѣлъ сонъ, и мнѣ сказано: *береги 19-е число*“. На это я замѣтилъ ему: „Владыко святый! развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какого-нибудь значенія? Какъ же можно притомъ обращать вниманіе на такое неопредѣленное указаніе? Девятнадцатыхъ чиселъ въ каждомъ году бываетъ двѣнадцать“. Выслушавъ это, онъ съ чувствомъ сердечной увѣренности сказалъ мнѣ: „Не сонъ я видѣлъ; мнѣ являлся родитель мой и сказалъ мнѣ тѣ слова. Я думаю съ этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Св. Таинъ“. Я сказалъ, что это желаніе доброе.

„Чрезъ два дня послѣ сего, 19-го Сентября, во вторникъ, во время литургіи въ домовой церкви онъ причастился Св. Таинъ. Въ октябрѣ онъ былъ въ Москвѣ, и 19 числа, въ четвергъ, также причащался Св. таинъ въ своей домовой церкви. Наступило въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Ноябрѣ роковое 19-е число. Это

приходилось въ воскресенье. Предъ тѣмъ все время владыка чувствовалъ себя хорошо и легко, принималъ посѣтителей, ревностно занимался дѣлами, выѣзжалъ иногда изъ дому. На недѣлѣ предъ 19-мъ числомъ онъ принималъ одного изъ своихъ почитателей, который при прощаньи передалъ ему просьбу одной почтенной дамы, также уважавшей святителя, что она желала бы быть у него и принять его благословеніе. Владыка сказалъ: „Пусть пріѣдетъ, только прежде 19-го числа.“ Такъ глубоко укоренилась въ умѣ владыки мысль о девятнадцатомъ числѣ!

„18-го Ноября, въ субботу, владыка говоритъ своему келейному іеродіакону Парѳенію, что завтра онъ желалъ бы служить литургію въ своей домовой церкви, и чтобъ все было приготовлено къ служенію. Старикъ Парѳеній, отличающійся прямотой и откровенностью, рѣшился замѣтить владыкѣ, что онъ утомится отъ служенія и не будетъ, пожалуй, служить во Введеньевъ день, что лучше бы тогда отслужилъ. Но владыка сказалъ: „Это не твое дѣло; скажи, что я завтра служу.“

„Онъ отслужилъ литургію, и въ роковое 19-е число скончался.“

Москва, которой дано было счастіе видѣть послѣдніе дни и послѣднія минуты своего архипастыря, къ вечеру 19 ноября услышала необычайный звонъ съ исторической колокольни Ивана Великаго; звонъ этотъ, уже по истеченіи нѣсколькихъ часовъ по кончинѣ,

возвѣстилъ кончину старѣйшаго изъ іерарховъ русской церкви; въ понедѣльникъ оффиціальное объявленіе передало нѣкоторыя подробности его кончины.

Вотъ какъ точно и подробно писали о ней „Московскія Вѣдомости,“ расхватанныя въ Москвѣ въ огромномъ количествѣ:

„Вчера, въ воскресенье 19-го ноября, въ исходѣ втораго часа пополудни, почилъ въ Бозѣ преосвященный Филаретъ, митрополитъ Московскій и Коломенскій. Возвратившись въ Москву изъ своего отшельническаго уединенія въ началѣ минувшаго октября, владыка приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Въ теченіи послѣднихъ двухъ недѣль, онъ три раза (8, 12 и 19-го ноября) совершалъ Божественную литургію въ своей домовой церкви; въ этотъ же промежутокъ времени присутствовалъ въ синодальной конторѣ, и дважды посѣтилъ московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова. Дѣлами архипастырь занимался съ обычною неутомимостью, живостью соображенія и быстротой производства. Два вечера въ недѣлю были посвящены докладамъ викаріевъ; доклады эти продолжались по нѣскольку часовъ сряду, и владыка выслушивалъ ихъ съ неутомимымъ усердіемъ. Посѣтители и просители были принимаемы имъ все это время съ обычнымъ вниманіемъ. Въ послѣдній разъ слушалъ онъ докладъ вечеромъ въ пятницу 17-го ноября; докладъ продолжался отъ 5½ до 8 часовъ вечера.

„Въ воскресенье, 19 ноября, владыка митрополитъ совершалъ литургію безъ утомленія, и по краткомъ отдыхѣ принималъ новоназначеннаго московскаго губернатора, генерала Баранова. За тѣмъ преосвященный остался одинъ. Наступилъ часъ его скудной трапезы; но онъ медлилъ, когда ему было о томъ доложено. Наконецъ, въ исходѣ втораго часа, келейникъ, вновь войдя въ комнату архипастыря, нашелъ его бездыханнымъ. Мирно и безболѣзненно перешелъ онъ въ вѣчность. Немедленно дано было знать о томъ викаріямъ, намѣстнику Чудова монастыря и генералъ-губернатору. Приглашены были врачи (Гг. Рахмановъ, постоянный врачъ покойнаго, Варвинскій, Паженкопфъ, Захарьинъ), но помощь ихъ оказалась излишнею. Князь В. А. Долгоруковъ прибылъ немедленно по извѣщеніи поклониться тѣлу архипастыря, когда оно, только что опрятанное, еще лежало на обычномъ одрѣ почившаго. За тѣмъ облаченное въ архіерейскія ризы, тѣло было перенесено въ большую залу, гдѣ была совершена архіерейскимъ служеніемъ паннихида. Облаченіе совершалось со всѣмъ торжествомъ, подобавшимъ высокому церковному сану почившаго. Въ руки усопшаго святителя были вложены дикирій и трикирій. Діаконы, каждый разъ предъ начатіемъ кажденія, обращались къ почившему. Вечеромъ того-же дня въ восемь часовъ была совершена вторая паннихида.

„Сегодня, двадцатаго ноября, совершены были двѣ

паннихиды. Немедленно прибывшій изъ Троице-Сергіевой Лавры намѣстникъ Антоній привезъ кипарисный гробъ, приготовленный заранѣе по распоряженію почившаго, и тѣло было переложено.

„Толпы народа не переставали цѣлый день окружать Троицкое подворье, гдѣ тѣло блаженнаго почившаго архипастыря останется въ продолженіе всего завтрашняго дня.“

Но не одинъ только этотъ *завтрашній* день (21 Ноября) тѣло архипастыря оставалось тамъ: оно оставалось тамъ до четверга 23-го Ноября, и каждый день, въ буквальномъ смыслѣ, отъ ранняго утра и до поздней ночи, даже почти во всю долгую зимнюю ночь, около гроба святителя неустанно, неумолкаемо толпился народъ. Полиція, приставленная для водворенія порядка, оказывалась безсильной для удержанія наплыва этихъ неустанно притекавшихъ народныхъ волнъ; мы не разъ посѣщали Троицкое подворье далеко за полночь, и все-таки при входѣ въ недавнее жилище архипастыря необходимо было ждать часъ или два, чтобы поклониться гробу его.

Необычайно скромное и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное зрѣлище представлялъ простой кипарисный гробъ, въ которомъ положено было тѣло почившаго архипастыря въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, съ Евангеліемъ на груди. Величавопокойное лице его будто не носило на себѣ признаковъ смерти, правая рука его, открытая лобызанію, казалась благословля-

ющей изъ гроба. Какъ волны, кипѣлъ народъ около этого гроба, и волны эти постоянно вливались и изливались неизсякаемой струею.

Въ день перенесенія тѣла его съ Троицкаго подворья въ Чудовъ Монастырь, въ четвергъ, Ноября 23-го, особенно наглядно, особенно знаменательно выразилось то проникавшее все народонаселеніе Москвы почтеніе и уваженіе къ почившему въ Бозѣ архипастырю, которое онъ привлекалъ къ себѣ во время благочестивой жизни своей, и которое какъ-бы въ большей степени проявилось по его успеніи: весь путь шествованія его въ полномъ смыслѣ слова былъ залитъ народомъ:—съ самаго ранняго утра почти до пяти часовъ, когда гробъ былъ внесенъ въ Чудовъ Монастырь, народъ не покидалъ улицъ и площадей его шествія. Было не только людно, было тѣсно во всю длину улицъ, во всю ширину площадей. Громадная, историческая, Красная площадь какъ-бы захлебнулась народомъ. Печальный перезвонъ всѣхъ Московскихъ сорока сороковъ, безмолвная тишина едва шевелившейся несмѣтной толпы, и тихо, едва замѣтно подвигавшійся гробъ, шествіе котораго обозначалось небольшими красными лаврскими хоругвями, составляли рѣдкое, русское, народно-православное и торжественно-печальное зрѣлище. Чтобы не оставить ничего недомолвленнымъ, неупомянутымъ изъ этого торжественнаго, церковно-историческаго времени, мы помѣщаемъ здѣсь подробный церемоніалъ этого торжественнаго шествія.

Шествіе изъ домовой церкви направилось, по выходѣ съ Троицкаго подворья, по Троицкому переулку, къ Самотекѣ, по Садовой улицѣ до Старыхъ Тріумфальныхъ воротъ, по Тверской къ Иверской часовнѣ, чрезъ Красную площадь въ Кремль.

Порядокъ шествія былъ слѣдующій: 1) Хоругви изъ кремлевскихъ соборовъ.

2) Образа: 1. Преподобнаго Сергія, 2. Казанскія Божія Матери и 3. четырехъ Святителей Московскихъ, несли родственники покойнаго.

3) Гробовая крыша, которую несли четыре діакона.

4) Чудовскіе пѣвчіе.

5) Выборные отъ всѣхъ городскихъ сословій.

6) Московская общая дума.

7) Городской голова и старшины городскихъ сословій.

8) Чиновники консисторіи въ мундирахъ, наставники семинаріи и училищъ, по два въ рядъ.

9) Діаконы, священники, протоіереи и настоятели монастырей, по 2 въ рядъ.

10) Знаки отличія и ордена на подушкахъ — несли священники.

1. Золотая медаль въ память освобожденія крестьянъ, крестъ Св. Нины первой степени и наперсные кресты 1812 и 1853—1856 гг.

2. Греческій орденъ Спасителя 1 степени.

3. Св. Анны 1 степени.

4. Св. Александра Невскаго.

5. Св. Владиміра 1 степени.

6. Св. Андрея Первозваннаго.

7. Докторскій крестъ, и крестъ пожалованный Императоромъ Александромъ I-мъ.

8. Панагіи, пожалованныя Государями Императорами: Александромъ I-мъ, Николаемъ I-мъ и Александромъ II-мъ, и Государынею Императрицею Маріею Александровною, и крестъ, пожалованный Государемъ Императоромъ Александромъ II-мъ.

11) Синодальные пѣвчіе.

12) Евангеліе, Запрестольный Крестъ и икона Божіей Матери;—несли священники.

13) Преосвященные архіереи.

14) Крестъ, лампада и посохъ, употреблявшіеся при Богослуженіи его высокопреосвященства, несли іеродіаконы.

15) Бѣлый клобукъ съ малымъ омофоромъ на блюдѣ; несъ іеромонахъ.

16) Митра съ крестомъ и омофоръ на блюдѣ; несъ іеромонахъ.

17) Два діакона съ трикиріями и два діакона съ рипидами по сторонамъ гроба, шесть діаконовъ съ кадилами, и четыре со свѣтильниками.

18) Гробъ покойнаго несутъ архимандриты съ протоіереями; при гробѣ 4 лаврскія хоругви по угламъ, несомыя іеродіаконами, къ нимъ 4 ассистента.

Мѣста на пути шествія для перемѣны лицъ раздѣлены были на слѣдующія чреды:

1) На Садовой противъ Семинарскаго дома, 2) у Тріумфальныхъ воротъ, 3) противъ Страстнаго Монастыря и 4) близь Иверской часовни.

Священники монастырей и церквей, мимо коихъ слѣдовало шествіе, выходили съ хоругвями и запрестольными иконами. Священникъ при семъ имѣлъ въ рукахъ крестъ, діаконъ кадило, а причетники выходили со свѣчами. Священникъ и діаконъ присоединялись къ шествію, занимая каждый мѣсто въ своемъ чину.

Для отпѣванія тѣла въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета въ продолженіе этихъ не многихъ дней собрались изъ разныхъ мѣстъ: высокопреосвященный Арсеній, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Нилъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій, Антоній, архіепископъ Владимірскій и Суздальскій, Никандръ, епископъ Тульскій и Бѣлевскій, и два Московскіе викарія:—Леонидъ, епископъ Дмитровскій и Игнатій, епископъ Можайскій. Наканунѣ дня, назначеннаго для отпѣванія, прибылъ изъ Петербурга Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта графа Перовскаго. Еще прежде прибылъ оттуда же синодальный оберъ-прокуроръ графъ Д. А. Толстой.

Во всю послѣднюю ночь, въ которую митрополитъ прощался съ Москвою, народъ до ранняго утра толпился у его гроба.

Торжественно-трогательное отпѣваніе его и заупокойная литургія были совершены вышеозначенными

лицами: въ Каѳедральномъ Чудовомъ монастырѣ служилъ высокопреосвященный митрополитъ Арсеній, Кіевскій и Галицкій, съ преосвященными епископами: Тульскимъ и Бѣлевскимъ Никандромъ и Можайскимъ—Игнатіемъ; въ Успенскомъ соборѣ архіепископъ Ярославскій и Ростовскій—Нилъ, въ Архангельскомъ—Антоній архіепископъ Владимірскій и Суздальскій. Къ окончанію литургіи въ Чудовъ монастырь прибылъ Его Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопровожденіи графа Перовскаго и г-на Министра Народнаго Просвѣщенія.—Надгробное слово во время причастнаго стиха говорилъ ректоръ Московской Духовной Академіи, протоіерей А. В. Горскій.

Вотъ это многозначительное слово:

> *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, Праведный Судія: не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.* 2 Тим. 4, 7, 8,

Давно ли по всей землѣ русской раздавались молитвенные гласы о продолженіи еще на многія лѣта обильной великими подвигами жизни почившаго въ Бозѣ Архипастыря нашего? Давно ли вся Россія, вни-

мая словамъ Самодержца „о великихъ пастырскихъ заслугахъ старѣйшаго и знаменитѣйшаго Святителя православной церкви“, повторяла молитву Царя, „да сохранитъ Господь святые дни“ Іерарха еще на долго, на пользу и славу отечественной церкви? Давно ли мы слышали первосвященническую молитву, которую преемникъ первосвятителя Петра, въ приснопамятный день пятидесятилѣтія своего святительства, приносилъ Господу Богу о святой Церкви, о Державномъ Царѣ, о паствѣ своей? И мы не хотѣли вѣрить, чтобъ эта глубокая, многообъемлющая, торжественная молитва была молитвою преселяющагося отъ земли; а онъ былъ уже не далекъ отъ предѣла, которымъ оставалось перейти на онъ-полъ бытія. Едва приблизилось теченіе времени къ тѣмъ днямъ, въ которые, назадъ тому нѣсколько десятилѣтій, вступилъ онъ на поприще иноческихъ подвиговъ и церковнаго служенія, Святитель Божій совершилъ приношеніе безкровной Жертвы о всѣхъ явленныхъ и неявленныхъ благодѣяніяхъ Божіихъ, бывшихъ на немъ и на насъ: и это жертвоприношеніе было послѣднее. Послѣднее звѣно цѣпи жизненной сомкнулось съ первымъ, и кругъ жизни земной завершился.

Архіерею вѣчный, Господи Іисусе Христе! Твое есть сіе изволеніе. Ты глаголалъ Петру: иди по Мнѣ, и возлюбленному ученику Твоему, который ранѣе другихъ возжелалъ сѣсти одесную Тебя въ царствіи Твоемъ, долѣе другихъ назначилъ оставаться на землѣ,

къ созиданію церкви Твоей, но и сему не реклъ еси, яко не умретъ. Къ Тебѣ восходятъ исполнители Твоихъ велѣній, когда воззовешь. Ей, тако бысть благоволеніе предъ Тобою!

Свѣтильникъ церкви, котораго благодатнымъ свѣтеніемъ мы желали и надѣялись еще пользоваться, сокрылся, слушатели. Сокрылся, но не исчезъ. Мракъ смерти не вовсе лишилъ насъ свѣта.

Великій Апостолъ, любившій именовать себя меньшимъ изъ Апостоловъ, когда приблизилось время отшествія его ко Господу, и предстояли ему тяжкія страданія и смерть, нашелъ нужнымъ, въ предотвращеніе смущенія и укрѣпленіе вѣрныхъ, написать ученику своему Тимоѳею: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, Праведный Судія: не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.* Обращая вниманіе съ одной стороны на пройденное поприще благовѣствованія Евангельскаго, съ другой—на отрадныя обѣтованія Господа, этимъ двойнымъ свѣтомъ апостолъ озарилъ и для себя, и для своего ученика, и для возлюбившихъ явленіе Христово, и для насъ скорбную минуту разлученія смертнаго.

Подвигомъ добрымъ подвизахся, говоритъ Апостолъ. Привыкшій хвалиться только немощами своими, никогда не почитавшій себя достигшимъ своей цѣли или уже усовершившимся, Апостолъ языковъ теперь, въ

виду смерти, самъ указываетъ на свой подвигъ. Подвигъ его, дѣйствительно, былъ неизмѣримо великій. Апостолъ языковъ вынесъ христіанство изъ тѣсной сферы міра іудейскаго; старѣйшіе Апостолы дали ему руки, чтобъ идти ему къ язычникамъ, и онъ, въ упованіи на благодать Божію, пустился одинъ въ это море, безъ предшественниковъ, и съ помощниками, которыхъ самъ же образовалъ. И плодомъ его проповѣди были церкви отъ Іерусалима до Иллирика, и отъ Иллирика до предѣловъ запада, имъ созданныя и устроенныя. *Теченіе скончахъ*. Душею онъ порывался бы или возвратиться на свои прежніе слѣды, или искать себѣ новыхъ странъ для проповѣди. Но Римъ съ своимъ кровожаднымъ владыкою заключилъ и держалъ его въ своихъ рукахъ. При всѣхъ стѣсненіяхъ Апостолъ и здѣсь трудится въ благовѣстіи Христовѣ, старается и самыя узы свои обратить въ пользу Евангелія; но все показывало, что теченіе впередъ уже кончено. *Вѣру соблюдохъ*: при всѣхъ угрозахъ и страданіяхъ за нее остался ей вѣренъ; при всѣхъ нападеніяхъ лжебратіи, при всѣхъ покушеніяхъ произвести раздѣленіе въ вѣрѣ, смѣшать ее съ іудействомъ, соблюдалъ ея цѣлость и чистоту. Въ союзѣ со старѣйшими Апостолами онъ поборолъ въ самомъ началѣ двоевѣріе. Въ своихъ писаніяхъ разъяснилъ отношеніе вѣры Христовой къ закону; показалъ безсиліе закона въ дѣлѣ спасенія Іудеевъ и Эллиновъ и могущество благодати Христовой; далъ церкви ору-

жіе противъ возраждающихся враговъ чистой проповѣди Евангельской. *Подвигомъ добрымъ подвизахся; вѣру соблюдохъ.* Вотъ свѣтлое прошедшее, предносившееся взору Апостола, когда обращалъ онъ вниманіе на пройденное поприще!

Прочее соблюдается мнѣ вѣнецъ правды. Сколько чиста, свѣтла и тверда вѣра Апостола, столько же сильна его надежда. Онъ помнитъ обѣтованіе своего Господа, для Котораго все оставилъ, Которому безраздѣльно предалъ всего себя. Готово для него воздаяніе — вѣнецъ правды, которымъ Самъ Податель правды и Судія Праведный увѣнчаетъ подвизавшихся праведно; вѣнецъ неувядаемый, вѣнецъ радости и блаженства въ Бозѣ ждетъ подвизавшагося въ день онъ, въ свѣтлый день вѣчности.

Но чтобы не отнять блаженнаго упованія и у тѣхъ, которые не имѣли ни такого обширнаго поприща для дѣйствованія, ни тѣхъ великихъ дарованій, какія предоставилъ Господь Апостолу языковъ, но тѣмъ не менѣе усердно работали своему Господу, чтобы подкрѣпить и своего возлюбленнаго сына по духу, пастыря Ефесскаго, въ подвигъ служенія, на него возложеннаго, подкрѣпить не однимъ примѣромъ своей вызвышенной жизни и дѣятельности, Апостолъ присовокупилъ: *не токмо же мнѣ* (воздастъ), *но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.* Воздастъ всѣмъ, которые, возлюбивъ Христа въ первомъ Его явленіи, смиренномъ и убогомъ, предали свою душу Ему и Его ве-

ликому дѣлу, въ чаяніи славнаго втораго Его явленія. Вотъ свѣтъ отъ грядущаго Востока! Блаженъ тотъ, чей конецъ жизни озлащается этимъ двойнымъ свѣтомъ—свѣтомъ вечерней зари угасающей жизни земной и свѣтомъ занимающейся зари утра вѣчности.

Когда мы повторяемъ слова Апостола, въ которыхъ онъ кратко изображаетъ свою дѣятельность и высказываетъ столь высокія надежды, не приходитъ ли вамъ на мысль, слушатели, приложить слова апостольскія къ жизни и дѣятельности скончавшаго теченіе свое, преемника апостольскаго служенія, великаго Архипастыря нашего: „подлинно подвигомъ добрымъ ты подвизался и вѣру соблюлъ.“ И не повторяетъ ли сердце ваше въ упованіи на Всеблагаго Воздаятеля: „прочее соблюдается тебѣ вѣнецъ правды?“ Если бы кто усомнился, можетъ ли вѣнецъ, ожидаемый Апостоломъ, принадлежать и не Апостолу,— его сомнѣніе разрѣшаетъ самъ Апостолъ словами: *егоже воздастъ Господь не токмо мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.*

Подвигомъ добрымъ подвизахся. Вѣрная своему пастырю до-гроба любовь пасомыхъ, конечно, желала бы теперь видѣть предъ собою воспроизведеннымъ этотъ многолѣтній, многосложный и многовидный подвигъ его пастыреначальства. Но ни силъ все обнять, ни времени все передать живымъ словомъ не достанетъ теперь повѣствующему. Христіанская совѣсть можетъ желать одного, чтобы въ этой картинѣ ясны были

черты пастыря по духу апостолькому, который есть тотъ же духъ Христовъ. Это не трудно будетъ примѣтить, тѣмъ болѣе, что вся жизнь почившаго въ Бозѣ Архипастыря, отъ первыхъ дней до послѣднихъ, проникнута одною глубокою религіозною мыслію и чувствомъ.

Жизнь пастыря слагается изъ приготовленія къ пастырскому служенію и самаго служенія.

Прекрасный залогъ будущей свѣтлой дѣятельности вынесъ почившій Архипастырь изъ домашняго воспитанія: это—чистое, цѣломудренное, духомъ искренняго благочестія проникнутое сердце. Вотъ почему доброе семейство благочестиваго служителя алтаря Господня всегда почиталъ онъ незамѣнимою школой для посвящающихъ себя духовному служенію. Какъ и въ нѣкоторыхъ примѣрахъ древнихъ великихъ пастырей церкви: Св. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, видно и здѣсь особенное вліяніе доброй, христіански-благочестивой и свѣтлымъ умомъ одаренной матери на юнаго сына. Тогдашнія училища духовныя, даже лучшія, были небогаты средствами къ развитію необыкновенныхъ дарованій юноши. Но, когда окончилось обученіе его тамъ, Господь Самъ Своими путями довершилъ его образованіе. Первыя учебныя должности, какія возложены были на него начальствомъ, способствовали приготовленію въ немъ богомудраго богослова и церковнаго витіи. Преподаваніе двухъ священныхъ языковъ Библіи познакомило

его съ коренными источниками христіанскаго вѣроученія и съ писаніями богопросвѣщенныхъ отцевъ греческихъ. Творенія Св. Григорія Богослова своимъ глубокомысліемъ особенно были сродны его духу и съ такою любовію были имъ изучены, что нѣкоторыя стихотворенія Григорія, на греческомъ языкѣ, сохранились у него въ свѣжей памяти до позднихъ лѣтъ жизни. Высокія дарованія молодаго наставника и особенно его церковныя проповѣди скоро обратили на него вниманіе маститаго Архипастыря Москвы. Еще болѣе должно было приблизить къ нему вступленіе сего наставника въ жизнь иноческую, но Господь скоро вызвалъ его изъ среды пустынной на среду высшаго служенія. Въ столицѣ сѣверной новыя обязанности потребовали отъ него новыхъ усилій къ самообразованію и вмѣстѣ открыли ему болѣе широкое и болѣе видное поприще для дѣятельности. Быстро росли и зрѣли его силы духовныя. Его слово тогда уже было исполнено глубокихъ богословскихъ созерцаній; душа его любила часто погружаться въ тайны креста Христова, въ тайны дѣйствія Духа Святаго въ душахъ облагодатствованныхъ. Труды въ изъясненіи Писанія показывали также стремленіе къ таинственному и сокровенному. Такъ и надлежало сему быть: слово Божіе говоритъ намъ о тайнахъ небесныхъ, о тайнахъ внутренней жизни нашей. Поставленный во главѣ преобразованнаго тогда высшаго духовнаго училища, онъ приготовилъ два послѣдова-

тельные ряда новыхъ дѣятелей для церкви въ духѣ истинной вѣры и благочестія. Тогда-то Архипастырь С.-Петербургскій, любившій его какъ сына, рѣшился избрать его себѣ въ помощника епископскаго служенія. Вотъ какой знаменательный и многотрудный путь долженъ былъ онъ пройти до каѳедры епископской! И при всемъ томъ, когда узналъ онъ отъ своего Архипастыря о предстоящемъ назначеніи, не обинуясь сказалъ ему: „если хотите наградить меня этимъ саномъ, то епископство не честь, но подвигъ.“

Такъ, дѣйствительно, всегда смотрѣлъ почившій въ Богѣ Архипастырь на достойное прохожденіе епископскаго служенія, какъ на трудный и великій подвигъ. Это не внѣшнее служеніе, но строительство душъ: непрестанная борьба съ врагами духовной жизни, непрерывное попеченіе о спасеніи ввѣренныхъ, всегдашнее хожденіе предъ Богомъ въ духѣ молитвы; постоянное углубленіе въ разумъ слова Христова. Такъ самъ онъ понималъ свои обязанности, такъ училъ и новыхъ пастырей понимать ихъ. *Подвигомъ добрымъ подвизахся.*

Не долго занималъ онъ подчиненное мѣсто въ іерархическомъ служеніи; вскорѣ введенъ былъ въ число членовъ верховнаго священноначалія церкви русской, и потомъ возведенъ на каѳедру первосвятителя Московскаго Петра. На этой сугубой высотѣ еще яснѣе раскрылись духовныя доблести и подвиги знаменитаго Іерарха. *Не можетъ градъ укрытися верху горы стоя.*

Тогда церковь русская въ первый разъ увидѣла слово Христово и писанія Апостоловъ на своемъ языкѣ: и первымъ движителемъ сего священнаго дѣла въ срединѣ Іерарховъ былъ нашъ Архипастырь. Тогда приступлено было и къ переложенію ветхозавѣтныхъ книгъ съ первоначальнаго языка, и если оно не было доведено до конца, то не по винѣ трудившихся. Тогда Архипастырь Московскій, исполняя заповѣди Апостола Павла ученику своему: держись начертанія здраваго ученія и передай вѣрнымъ людямъ, которые были бы способны и другихъ научить (2 Тим. 1, 13; 2, 2), изложилъ кратко ученіе о благочестіи христіанскомъ, въ назиданіе чадъ церкви русской. *Подвигомъ добрымъ подвизахся.*

Но содѣйствуя распространенію и утвержденію здраваго ученія вѣры, надлежало и отстранять навѣваемыя духомъ времени внушенія неправомыслія. Являлись ли покушенія самообольщеннаго мудрованія проложить какіе-то свои пути ко внутреннему соединенію съ Богомъ, помимо царскаго пути, указуемаго церковію; являлось ли суемудрое желаніе отрицать все таинственное и сверхъ-естественное въ дѣлѣ вѣры и откровенія; являлось ли покушеніе, взятое съ примѣра чуждаго, заковать духъ вѣры въ мертвыя формы, и такимъ образомъ всякое движеніе богословствующей мысли сдѣлать невозможнымъ: бдительный взоръ пастыря — богослова скоро обличалъ уклоненія отъ истины православія. Настало время большей свободы;

и первое слово Архипастыря предъ священноначаліемъ церкви русской было за слово Божіе, чтобы сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ на понятномъ нарѣчіи. *Подвигомъ добрымъ подвизахся, вѣру соблюдохъ.*

Подвизаясь за дѣло Божіе, за правду Христова Евангелія, нельзя было не потерпѣть различныхъ искушеній. Нѣтъ подвига безъ страданія. Но кроткій благовѣститель мира всѣ переносилъ благодушно на себѣ, стараясь извлекать полезное для церкви изъ всякаго положенія. Онъ раздѣлялъ и болѣзни другихъ церквей, намъ единовѣрныхъ, стараясь водворить между ними миръ. Въ этомъ попеченіи о близкихъ и отдаленныхъ, о своихъ и чуждыхъ, онъ могъ сказать съ Апостоломъ, что испытываетъ *нападеніе еже по вся дни* и носитъ *попеченіе всѣхъ церквей.*

Ограничиваясь болѣе тѣснымъ кругомъ дѣлъ, въ средѣ паствы московской, мы здѣсь еще ближе усмотримъ духъ истиннаго пастыря, старающагося быть *всѣмъ вся, да всяко нѣкія спасетъ.* Его слово, оглашавшее такъ часто святые храмы столицы, раскрывая основанія и духъ ученія и закона Христова, всегда имѣло въ виду единое на потребу христіанину; глубокія изысканія, не имѣющія отношенія къ жизни христіанской, были ему чужды. Въ его словѣ слышится краснорѣчіе сердца, искренно убѣжденнаго въ истинѣ евангельской и собственнымъ опытомъ дознавшаго ея Божественную силу. Благолѣпіе святыхъ храмовъ было отрадой его души, какъ выраженіе искренней предан-

ности вѣрѣ приносящихъ жертвы, и какъ возбужденіе къ благоговѣнію предъ святыней. Особенное вниманіе его было обращено на достойное присутствія Божія хожденіе во храмѣ и священнодѣйствіе служителей олтаря, и съ особеннымъ благоволеніемъ взиралъ онъ на дѣятельность тѣхъ пастырей, которые проходили свое служеніе съ искреннею заботливостью о внутреннемъ благоустроеніи своихъ чадъ духовныхъ.

Двери его дома всегда были открыты для всѣхъ имѣющихъ нужду въ разрѣшеніи душевныхъ недоумѣній, для уязвленныхъ въ своей совѣсти и ищущихъ умиротворенія, — и всякаго принималъ онъ и врачевалъ духовно съ любовію отеческою, такъ что по истинѣ могъ сказать съ Апостоломъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю?* (2 Кор. 11, 29). Въ общественныхъ бѣдствіяхъ и частныхъ нуждахъ, его была первая молитва о всѣхъ и возможная помощь. Воспитаніе юныхъ поколѣній въ духѣ христіанскаго благочестія, устроеніе для сиротствующихъ дѣтей духовныхъ лицъ дома призрѣнія и воспитанія на собственныя средства, пособія готовящимся на служеніе церкви и ихъ наставникамъ, къ улучшенію ихъ внѣшняго быта, безъ всякаго отягощенія церквей и клира; пособія трудящимся въ проповѣди Евангелія среди отдаленныхъ языческихъ племенъ... И кто исчислитъ всѣ другія благотворенія сердобольнаго Архипастыря?

Пастырь Христовъ чувствовалъ свой долгъ заботиться не о тѣхъ только, которые стояли въ оградѣ

его паствы, но и о тѣхъ, которые въ другія, печальныя времена были отторгнуты и похищены у церкви православной заблужденіемъ и коварствомъ. И его святая преданность дѣлу своего служенія, его строгое соблюденіе древняго порядка церковной жизни, его просвѣщенныя бесѣды и пастырскія убѣжденія открывали доступъ слову истины ко внутреннему слуху заблуждающихъ и пріобрѣтали новыхъ членовъ церкви.

Строгій инокъ и любитель иноческихъ подвиговъ, сдѣлавшись Архипастыремъ Московскимъ, сколько обителей иноческихъ онъ обновилъ, устроилъ и утвердилъ своими мудрыми распоряженіями и правилами. Духовное подвижничество, какъ высшій цвѣтъ христіанской жизни, всегда привлекало его сердце, въ писаніяхъ ли древнихъ пустынножителей, или въ живыхъ лицахъ, сокровенно трудящихся предъ Господомъ. И обители иноческія, какъ духовно воспитательныя учрежденія, какъ разсадники благочестія, обладающіе большими средствами къ выполненію древнихъ уставовъ богослуженія, были однимъ изъ постоянныхъ предметовъ его попеченія. И самъ онъ, въ келліи ли Геѳсиманской, среди ли столицы, всегда простой и строгій въ образѣ жизни, всегда благоговѣйный молитвенникъ, былъ образцомъ иночества.

Но строгій инокъ не переставалъ быть горячимъ сыномъ общаго всѣмъ отечества, и пастырь стада Христова являлся мужемъ государственнымъ, когда былъ призываемъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, въ ко-

торыхъ нужды церкви соприкасаются съ дѣлами государства, или когда довѣріемъ Самодержцевъ русскихъ поручаемы ему были особенно важныя дѣла. Въ нуждахъ государства онъ первый приносилъ жертвы отъ сбереженныхъ имъ даяній. И во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ Царскаго Дома принималъ глубочайшее участіе, съ молитвой въ сердцѣ, съ словомъ духовнымъ.

Такъ, проводя въ трудѣ и подвигахъ день и нощь, неусыпно, неутомимо, всегда имѣя въ виду волю Господню и не свою личную пользу, но благо церкви, государства, общества, — вѣримъ, могъ онъ сказать, скончавая свое земное поприще: *подвигомъ добрымъ подвизахся.* Приложи намъ, Господи Боже нашъ, и сіе, какъ довершеніе Твоихъ благодѣяній, чтобы нашъ добрый вождь на пути къ горнему отечеству наслѣдовалъ вѣнецъ правды, обѣщанный Тобою возлюбльшимъ явленіе Сына Твоего. Четыредесять лѣтъ вѣрный рабъ Твой Моисей былъ вождемъ народа Твоего на пути къ Ханаану земному; и когда, на предѣлахъ земли обѣтованной, взятъ былъ отъ среды живыхъ, *плакашася сынове Израилевы* о Моисеѣ. И мы болѣе чѣмъ четыредесять лѣтъ привыкшіе слѣдовать за вождемъ, Тобою даннымъ, къ Ханаану небесному, не можемъ не плакать о лишеніи богомудраго руководителя и пастыря, но, забывая скорбь о себѣ, всѣ слезы и прошенія сливаемъ въ одну молитву: присоедини его къ *церкви первородныхъ, на небесѣхъ написанныхъ, и духовомъ праведникъ совершенныхъ.* Аминь.

По окончаніи литургіи тѣло почившаго Архипастыря было перенесено въ трапезную, гдѣ всѣмъ соборомъ духовенства было совершено отпѣваніе.

Поминовенная трапеза происходила въ мироварной палатѣ; былъ накрытъ столъ на 250 приборовъ. Гробъ былъ оставленъ открытымъ до слѣдующаго утра. Въ Воскресенье 26-го Ноября, послѣ литургіи, совершенной Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ въ сослуженіи Викарія Леонида и намѣстника лавры Антонія, совершена была литія, предъ началомъ которой протоіерей церкви Св. Троицы на Арбатѣ И. М. Богословскій-Платоновъ произнесъ слѣдующую рѣчь.

„Въ какой путь провожать своего Святителя собрался нынѣ градъ первопрестольный? За чѣмъ не въ обычное ему время удаляется онъ въ любимую обитель? Увы! тамъ, гдѣ по временамъ искалъ онъ краткаго отдыха, указалъ онъ для себя и мѣсто вѣчнаго упокоенія. Отцы и братія! усѣмъ слезами путь его гробу: нашему плачу вторитъ вся Русь православная; это — печаль общая, великая утрата для всего христіанства. Угасъ свѣтильникъ, отъ котораго свѣтъ истиннаго Боговѣдѣнія и высокой доблести духовной распространялся до отдаленнѣйшихъ предѣловъ церкви восточной и даже достигъ иновѣрныхъ, ищущихъ православія; умолкли уста, изъ которыхъ каждое исходившее слово было правиломъ вѣры и закономъ для жизни и дѣятельнаго служенія Богу и человѣчеству во всякомъ его видѣ.

„Но что же угасло? Угасло горѣвшее вещество, а самый свѣтъ, который озарилъ предъ міромъ глубину истинъ вѣры и высоту жизни христіанской,— онъ не можетъ угаснуть, отъ него остались не мерцающіе лучи, общее драгоцѣнное достояніе всѣхъ родовъ и временъ. Сомкнулись уста: а слово, изшедшее изъ нихъ, облетѣло весь міръ христіанскій, сдѣлалось символомъ православія, воплощеніемъ духовной мудрости, ключемъ для разрѣшенія недоумѣній, печатью истины, неистощимымъ назиданіемъ для паствы, неизмѣннымъ руководствомъ для пастырей.

„Но если слово и житіе почившаго въ Бозѣ Іерарха пребудутъ незабвенными и руководственными для всей церкви, паче же для осиротѣвшей церкви московской, то и онъ, отецъ нашъ, съ своей стороны покинетъ ли сердцемъ свою паству, для которой почти полвѣка, до послѣдняго часа жизни, трудился, не зная покоя и объемля неутомимымъ вниманіемъ всѣ даже малѣйшія дѣла, относящіяся до благоустройства ея? Можетъ ли расторгнуться столь крѣпкій духовный союзъ? Можетъ ли прекратиться отеческое попеченіе, внушаемое столь пламенною, неугасимою ревностію о спасеніи духовныхъ чадъ? Нѣтъ, мы вѣримъ, что не разлучаемся съ тобою, святый Архипастырь нашъ! Какъ прежде временно оставлялъ ты градъ сей для того, чтобы въ уединеніи имѣть болѣе свободы пещись и трудиться для блага ввѣренной тебѣ церкви, окриляя духъ молитвой при гробѣ великаго угодника

Божія Сергія: такъ и нынѣ, когда тѣломъ грядешь ты для упокоенія въ его земной обители, духъ твой, всегда паривший выше земли и времени, напутствуемый слезными молитвами многихъ и многихъ тысячъ людей, несомнѣнно устремляется къ небесной и вѣчной обители преподобнаго, откуда благоговѣющая предъ тобою паства ожидаетъ твоихъ непрестающихъ молитвъ и твоего святительскаго благословенія."

За тѣмъ, по совершеніи литіи, въ глубокой тишинѣ гробъ былъ вынесенъ Архимандритами, и какъ только онъ показался на крыльцѣ Чудова монастыря, загудѣли всѣ колокола первопрестольной столицы, и собранныя кругомъ войска отдали почившему Архипастырю послѣднюю честь.

Снова мы дошли до такой картины, которую трудно описать, снова заколыхалось море человѣческихъ головъ; все такъ слилось и соединилось, что трудно было опредѣлить, шелъ ли народъ, или это была сплошная, неподвижная масса; только по мѣрѣ того, какъ медленно подвигался впередъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ, въ сопутствіи Московскаго Генералъ-Губернатора, и другихъ лицъ, сопровождавшій гробъ верхомъ, можно было примѣчать, что народная масса двигалась по одному направленію. У Казанскаго Собора Архимандриты, несшіе до сего мѣста гробъ, передали его духовенству и народу. Церемоніалъ оставался тотъ же самый, какъ и при перенесеніи тѣла въ Чудовъ Монастырь. Синодаль-

ная Типографія, домъ Графа Шереметева и воксалъ Московско-Ярославской желѣзной дороги были одѣты въ трауръ.

Со всѣхъ сторонъ, изъ всѣхъ переулковъ по пути шествія стекался народъ поклониться въ послѣдній разъ своему Архипастырю; крыши домовъ, окна, заборы, колокольни церквей, все, въ буквальномъ смыслѣ, было усѣяно народомъ; не подалеку отъ Красныхъ воротъ встрѣтили и воздали ему послѣднее поклоненіе воспитанницы недавно устроеннаго Митрополитомъ Филаретомъ, на его иждивеніе, училища для дѣвицъ духовнаго званія.

Въ часъ и 10-ть минутъ процессія приблизилась къ воксалу желѣзной дороги; здѣсь въ послѣдній разъ, среди Кремлевскихъ хоругвей, была совершена послѣдняя въ Москвѣ литія, и потомъ гробъ, сопровождаемый Его Высочествомъ, перенесенный чрезъ залу на платформу архимандритами, былъ поставленъ на особо пріуготовленное мѣсто, обитое со всѣхъ сторонъ чернымъ сукномъ, и окруженъ вездѣ сопутствовавшими ему лаврскими хоругвями. На платформѣ у этого высокочтимаго гроба стали намѣстникъ лавры Антоній, и нѣкоторыя другія лица изъ духовенства. Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископы—Нилъ Ярославскій, Антоній Владимірскій; Епископы: Никандръ Тульскій и Леонидъ Дмитровскій, Архимандриты, члены Консисторіи, члены попечительства и благочинные сопровождали гробъ въ томъ же поѣздѣ...

Не слышно для народа, безмолвно стоявшаго кругомъ воксала, торжественно тихо двинулся этотъ поѣздъ, и прибылъ въ лавру чрезъ три часа и двадцать минутъ.

Его Высочество Великій Князь Владиміръ Александровичъ, прослушавъ литію, совершенную на платформѣ, и поклонясь въ послѣдній разъ гробу, возвратился во дворецъ.

Торжественно катился этотъ необычайный поѣздъ, ницъ падалъ предъ нимъ народъ вышедшій въ срѣтеніе его, и тогда только подымался онъ, когда поѣздъ исчезалъ совсѣмъ изъ вида: на Мытищенской станціи стеченіе народа было особенно велико, духовенство изъ окрестныхъ селъ и деревень,— съ хоругвями, иконами и запрестольными крестами, ожидало поѣзда, и по прибытіи его на эту станцію совершена была краткая литія.

Какъ скоро литія была совершена, поѣздъ съ пѣніемъ, какъ и отъ Москвы, хора пѣвчихъ: „Помощникъ и Покровитель,“ тронулся въ путь и, не останавливаясь на промежуточныхъ станціяхъ, прибылъ въ Хотьковъ, гдѣ его встрѣтили инокини Хотькова Монастыря, которыя и пѣли литію. Поѣздъ двинулся снова. Отъ этой станціи до посадскаго воксала, Преосвященный Леонидъ въ облаченіи читалъ Евангеліе при гробѣ, и такимъ образомъ, въ половинѣ 5-го часа поѣздъ тихо приблизился къ мѣсту своего назначенія. Братія лавры, и въ несмѣтномъ множествѣ стек-

шійся народъ встрѣтили дорогой гробъ; Архимандриты подняли его, и среди все гуще и гуще налегавшихъ сумерекъ двинулась процессія иноковъ въ ихъ черныхъ одеждахъ, съ ярко горящими свѣчами, въ средѣ значительнаго собора духовенства, и несмѣтнаго числа народа; драгоцѣнный гробъ тихо подвигался къ мѣсту послѣдняго покоя незабвеннаго Святителя. Надвигавшаяся ночь придавала этому шествію особенно печальный характеръ: освѣщеніе блестящаго облаченія духовенства и этого скромнаго, простаго гроба, вмѣщавшаго въ себѣ останки мужа превысшаго всѣхъ изъ присутствовавшихъ, производило необычайно сильное впечатлѣніе.

Баккалавръ Московской Духовной Академіи Іеромонахъ Іоаннъ встрѣтилъ въ Троицкомъ соборѣ лавры этотъ многоцѣнный гробъ слѣдующею рѣчью:

„Почто такъ необычайно на сей разъ пришествіе твое, Архипастырь нашъ милостивѣйшій! Святая обитель и весь сія, сіи питомцы и руководители просвѣщенія духовнаго, тобою руководимые, услышавъ слухъ пришествія твоего, по прежнему потекли во срѣтеніе тебѣ; но увы уже не съ прежними, всегда свѣтлыми и радостными надеждами встрѣтить твой привѣтъ, слышать отъ тебя слово назиданія, лобызать твою благословляющую руку: а, увы! съ болѣзненно-горестнымъ чувствомъ печали отъ разлуки съ тобою на вѣки.

Возстань, Святитель нашъ великій! Возстань наша

надежда, нашъ вѣнецъ, нша аслава, наша радость! Открой свой привѣтливый взоръ этимъ чадамъ твоимъ духовнымъ, всегда притекавшимъ къ тебѣ, какъ къ отцу; изреки еще разъ слово созиданія, утѣшенія и утвержденія этимъ дѣлателямъ въ вертоградѣ духовномъ, тобою напоенномъ; простри руку твою и ниспосли благословеніе твое на сей народъ богоспасаемый, по прежнему наполнившій собою всѣ входы и исходы шествія твоего!

Но нѣтъ; уже не искрится болѣе этотъ прежде столь ясный и проницательный взоръ, уже умолкли сіи всегда назидательныя уста; уже не движется эта прежде, отъ полноты любви въ сердцѣ, не знавшая утомленія, когда преподавала благословеніе, рука; безмолвствуетъ гробъ, бездыханенъ Святитель!

Но и среди этого безмолвія и изъ сей мертвенной тишины намъ слышится его вразумляющій гласъ: „единеніе, уединеніе, молитва.“

Глубоко проникнутый духомъ ученія Христова и зная разлагающее и уничтожающее дѣйствіе несогласія и разъединенія, Святитель и самъ неуклонно жилъ и дѣйствовалъ въ духѣ христіанскаго единенія, и руководимымъ своимъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, усиленно старался внушать попеченіе о „спасительномъ единствѣ.“ Единство церкви и вѣры, единство науки и жизни составляло для него одинъ изъ высочайшихъ священныхъ интересовъ, въ охраненіи котораго Святитель полагалъ свое призваніе и долгъ свой; сохра-

неніе сего единства въ пасомыхъ доставляло ему чистую, живую радость и успокоеніе.

Предстоящіе здѣсь служители высшему образованію духовному засвидѣтельствуютъ, какъ часто въ прибытіе свое сюда или при отшествіи отсюда, святитель напоминалъ имъ о достоинствахъ христіанскаго единенія, внушалъ больше и больше преуспѣвать въ охраненіи единства вѣры и науки, мира и согласія въ жизни: блюсти единеніе духа въ союзѣ мира.

Зорко блюдя и охраняя святое единеніе, Святитель Христовъ, сколько позволяло положеніе его, ревновалъ и о другомъ многотрудномъ подвигѣ—христіанскомъ уединеніи. Высокое положеніе церковное, слава мужа многосовѣтнаго, привлекая къ нему нуждающихся въ руководительствѣ, часто представляли непобѣдимыя трудности для сокровеннаго дѣланія. Поэтому онъ неоднократно выражалъ желаніе и искалъ съ пророкомъ, чтобы даны были ему крилѣ яко голубинѣ, и улетѣть бы ему въ покойную пустыню и почить бы тамъ отъ бурь и волненій моря житейскаго. И удалялся пустыннолюбецъ въ любимую имъ пустыню Геѳсиманскую, и теперь какъ бы въ исполненіе своего непрестаннаго желанія притекъ почить въ тихое пристанище пустыни Сергіевой....

Не удивляемся неутомимому желанію успокоенія пустыннаго, но изумляемся необозримымъ плодамъ, собраннымъ въ сокровенномъ дѣланіи уединенія. Кто

изочтетъ сіи плоды? Кто возмется отвѣчать на сіе? „Время будетъ отвѣчать на сіе событіями“.

Всѣ труды и подвиги своего дѣланія Святитель освящалъ еще болѣе великимъ, по истинѣ святымъ дѣланіемъ—молитвою. Нужно ли говорить о пламенной ревности Святителя къ молитвѣ? Кому неизвѣстно, что верхомъ желаній Святителя, главною заботой его о сохраненіи своихъ изнемогавшихъ уже силъ было совершать Богослуженіе Литургіи и сподобляться пріобщенія Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Христовыхъ! И кто не подивится чуднымъ путямъ Провидѣнія, такъ знаменательно открывшимся въ послѣдній день земной жизни Святителя! По истинѣ, ревнующій о молитвѣ во имя молитвы, мзду молитвы пріемлетъ!

Но прости насъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, что мы, еще недозрѣвшія дѣти твои, дерзаемъ прикасаться и открывать ближайшій къ намъ, малый край великой, исполненной многоразличныхъ совершенствъ жизни твоей. Непритворная скорбь отъ разлуки съ тобой ищетъ хотя малаго облегченія въ воспоминаніяхъ о тебѣ.

Здѣсь, у гроба твоего, даемъ обѣщаніе пребыть вѣрными тѣмъ наставленіямъ и внушеніямъ твоимъ, какія завѣщалъ ты намъ своимъ словомъ и примѣромъ, воспоминать тебя, приснопамятный наставниче нашъ, въ своихъ многогрѣшныхъ молитвахъ, и взирая на скончаніе жительства твоего, подражать вѣрѣ твоей.“

Гробъ былъ внесенъ въ Троицкій Соборъ; — а народъ кипѣлъ въ монастырѣ, у вратъ святыхъ и на дворѣ. . . .

Въ 7-мь часовъ большой лаврскій колоколъ сзывалъ всѣхъ желавшихъ почтить память почившаго въ Бозѣ Архипастыря къ заупокойной всеночной; но храмъ не могъ вмѣстить этихъ желавшихъ: — всю ночь народъ не покидалъ драгоцѣннаго гроба.

27-го Ноября гробъ еще не былъ отданъ могилѣ; какъ бы медлили скрыть его . . . Массы народа прибыли изъ Москвы; съ 8-ми часовымъ поѣздомъ прибылъ Московскій Генералъ-Губернаторъ и присутствовалъ при божественной литургіи.

Архимандритъ Сергій произнесъ во время причастнаго стиха обширное слово, которое помѣщаемъ здѣсь вполнѣ.

Вотъ оно:

„Господи Боже Вседержителю! Не судъ ли Твой праведный открывается надъ нами грѣшными? Се отъемлется Тобою отъ насъ великій свѣтильникъ нашъ! Отъемлется великій молитвенникъ и ходатай предъ Тобою о насъ недостойныхъ! Отъемлется великій подвижникъ у иноковъ, руководитель у юношей, отецъ у вдовицъ и сиротъ!

Нѣкогда пророкъ угрожалъ народу Богомъ избранному, но Бога забывшему; *се Владыка Господь Саваоѳъ отъиметъ отъ Іерусалима, и отъ Іудеи крѣпкаго. . . . и судію, и пророка, и смотреливаго, и стар-*

ца.... и дивнаго совѣтника. (Ис. III, 1—3). Подлинно сіи слова невольно приходятъ на мысль при видѣ сего таинственнаго гроба. Не есть ли онъ грозное знаменіе праведнаго гнѣва Бога Вседержителя?

Но сердце, исполненное смущенія и страха, ищетъ себѣ успокоенія и, какъ отрадный лучъ среди густаго мрака, оно представляется ему въ исторіи того же избраннаго народа Божія.

Было время, когда почти цѣлое царство забыло Царя Небеснаго. Господь употреблялъ всѣ средства къ обращенію заблудшихъ: и болѣзни, и глады, и войны, посылалъ сонмы пророковъ, но зло еще возрастало; среди сихъ обстоятельствъ воздвигается необычайный пророкъ Илія Θесвитянинъ, но и его пламенное слово, вооруженное великими знаменіями и силами, по видимому не дѣйствовало на сердца окаменненныя. Наконецъ самъ пророкъ приходитъ въ уныніе и взываетъ къ Богу Вседержителю: *ревнуя ревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержителѣ: яко оставиша завѣтъ Твой сынове Израилевы, и олтари Твоя раскопаша, и пророки Твоя избиша оружіемъ, и остахъ азъ единъ.* (3 Цар. XIX, 14). Тогда Господь открылъ ему, что еще семь тысячъ мужей во Израили не преклонили колѣнъ своихъ предъ Ваалomъ, и что есть ему достойный преемникъ Елисей. И вотъ сей преемникъ, по молитвѣ вознесеннаго на небо пророка, облекается сугубою силою, сверхъ чаянія не только вѣрныхъ Израильтянъ, но и самыхъ сыновъ пророче-

скихъ, неоднократно спасаетъ царство Израильское отъ сильныхъ враговъ внѣшнихъ и поддерживаетъ страхъ Божій въ сердцахъ оставшихся вѣрными Іеговѣ. Таковы промыслительныя дѣйствія десницы Всемогущаго и надъ малымъ числомъ избранныхъ своихъ!

Но кто дерзнетъ и помыслить о сравненіи печальнаго положенія царства Израильскаго во дни пророка Иліи съ настоящимъ состояніемъ православнаго отечества нашего, на неизмѣримомъ пространствѣ коего тысячи тысящъ и тьмы темъ христіанъ одушевлены истинною вѣрой и твердою преданностью святой церкви?

И если въ отечествѣ нашемъ есть не малое число ревнителей обряда, якобы древняго, отторгшихся отъ единенія съ церковію вселенскою, то есть надежда, что Господь обратитъ ихъ на путь истины, такъ какъ большая часть изъ нихъ имѣютъ ревность, хотя и неразумную, но дѣйствительную. Примѣръ преставившагося архипастыря нашего, снова приведшаго многихъ и лучшихъ изъ нихъ въ ограду церкви Христовой, не утверждаетъ ли сію надежду?

Если въ отечествѣ нашемъ и есть плевелы невѣрія, вмѣстѣ съ сѣменами полезныхъ знаній отъ запада заносимыя, то они ничтожны въ сравненіи съ чистою пшеницей вѣрныхъ, и при томъ неусыпно были посѣкаемы и дѣйственнымъ словеснымъ мечемъ почившаго первосвятителя, и его усиленною молитвой, и истор-

гаемы всѣми силами, какими токмо онъ могъ располагать.

Притомъ напомнимъ, какой одобрительный отзывъ о паствѣ Московской сдѣланъ былъ близь храма сего достоублажаемымъ архипастыремъ нашимъ въ день пятидесятилѣтія священноначальственнаго служенія его: „Духъ любви къ святому служенію, мира и согласія, свободнаго послушанія всякому долгу и законному призванію въ сослужителяхъ моихъ, и въ православномъ народѣ послушаніе вѣры, усердіе къ Богослуженію, щедрая готовность къ благоустроенію и украшенію храмовъ, къ попеченію о нуждахъ служителей церкви, къ дѣламъ человѣколюбія и благотворенія, постоянно облегчали и облегчаютъ мое служеніе, приносили и приносятъ мнѣ подкрѣпляющее утѣшеніе.“

Наконецъ во дни его архипастырской дѣятельности взоры просвѣщенныхъ представителй церквей, даже иновѣрныхъ, обращены были на русскую церковь какъ на вѣрную и неизмѣнную хранительницу святой истины. И онъ благословилъ возникшую мысль о соединеніи церквей, о которомъ постоянно молится православная церковь.

Столь утѣшительное состояніе паствы московской и всей церкви русской, которымъ онѣ много обязаны почившему іерарху, вноситъ въ сердце, исполненное смущенія и страха, не малую долю успокоенія и влагаетъ въ него дерзновеніе видѣть въ блаженной кон-

чинѣ великаго святителя не столько гнѣвъ Божій на осиротѣвшихъ, сколько благодѣяніе Божіе для самаго почившаго; ибо послѣднія лѣта жизни его сколько благотворны были для насъ, столько же тяжки для немощнаго сосуда его плоти, сокрушеннаго трудами неимовѣрными и уже не выносившаго движеній нестарѣющаго, горѣвшаго ревностію духа.

По истинѣ невозможно изобразить его подвиги, ко благу церкви и отечества имъ понесенные. Если бы собрать всѣ тѣ письмена, которыя начертала десница его, то самому нечувствительному человѣку нельзя бы не придти въ благоговѣйное удивленіе; а какія благотворныя дѣйствія произвели они, то и представить трудно; если бы собрать всѣхъ тѣхъ, на кого возложены были его священныя руки, изливавшія божественную благодать, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую, то далеко не вмѣстилъ бы ихъ храмъ, вдвое сего пространнѣйшій; а сколько добрыхъ сѣменъ посѣяли его мудрыя уста, это по истинѣ извѣстно одному Богу.

Не за великіе ли труды почившаго Господь еще на землѣ предначалъ прославленіе его? Какъ идетъ къ нему похвала мудреца Израилева, изреченная великому первосвященнику Оніи: *коль прославленъ бысть въ сожительствѣ людей: яко звѣзда утренняя посреди облаковъ, аки луна полна во днехъ своихъ: яко солнце, сіяющее на церковь Вышняю, и аки дуга, свѣтящаяся на облацѣхъ славы.... яко маслина, износя-*

щая плоды, и яко кипарисъ, возрастаяй до облакъ. (Сир. L, 5. 6. 7. 11.).

Вѣруемъ, что и по кончинѣ богоугодная душа его принята въ селенія славы небесныя.

Господь сказалъ: *аминь, аминь глаголю вамъ, яко слушаяй словесе Моего, и вѣруяй Пославшему Мя, имать животъ вѣчный: и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. V. 24.). По истинѣ велико обѣтованіе Спасителя нашего: праведникъ и *на судъ не пріидетъ,* и это потому, что судъ надъ его добрыми дѣлами есть только прославленіе его, а малыя въ сравненіи съ великими добродѣтелями погрѣшенія его, по слову Псалмопѣвца, и *не помянутся* (Пс. XXIV, 7.), ибо праведники въ глубинѣ сердца сами себя осуждаютъ на землѣ болѣе всѣхъ и въ смиреніи *исповѣдаютъ всѣ грѣхи своя* (Іоан. I, 9.); въ будущемъ вѣкѣ имъ даже дана будетъ власть судить другихъ: *не вѣсте ли,* говоритъ апостолъ, *яко святіи мірови имутъ судити* (I Кор. VI, 2.)? Иначе сказать: праведники не приходятъ на судъ, но отъ смерти приходятъ въ животъ, потому что они еще въ земной жизни имѣютъ уже въ себѣ животъ вѣчный, который пріобрѣтаютъ дѣятельнымъ послушаніемъ слову Господа Іисуса и вѣрою въ пославшаго Его Отца: *слушаяй словесе Моего и вѣруяй Пославшему Мя имать животъ вѣчный.*

Представшій престолу небесному Архипастырь нашъ съ особеннымъ постоянствомъ внималъ чтенію Слова

Божія: это было его непреложное келейное правило — освящать каждый день чтеніемъ Божественныхъ Писаній, за какимъ занятіемъ неоднократно приводилось видѣть его и мнѣ недостойному. Слово Божіе было насущнымъ хлѣбомъ не только его самаго, но онъ питалъ имъ еще многія тысящи душъ. Что же касается до его вѣры, то не запечатлѣлъ ли онъ ее премудро въ той книгѣ, которая давно уже извѣстна, какъ неизмѣнное правило вѣры всей церкви вселенской, и сію вѣру свою онъ оправдалъ всякаго рода добродѣтелями, а *иже сотворитъ и научитъ, сей*, по другому неложному обѣтованію Спасителя, *великій наречется въ царствіи небесномъ* (Мѳ. V, 19.).

Не свидѣтельствуетъ ли о благоугожденіи его предъ Богомъ самая блаженная кончина его? Спустя малое время послѣ предстоянія престолу Господа земному быть безболѣзненно преставлену къ престолу Его небесному, предстать предъ Господомъ Іисусомъ въ день празднованія воскресенія Его, предстать пріявши пречистую Плоть и Кровь Его,—не есть ли это знаменіе особаго благоволенія Божія? Присемъ приходитъ на мысль замѣчательная черта изъ жизни Святителя. Извѣстно, что онъ особенно чтилъ святые воскресные дни, и только крайняя немощь удерживала его отъ совершенія Божественной службы во дни сіи, но и при этомъ онъ всегда принималъ пречистыя Тайны Христовы, и вотъ Господь переселилъ духъ его къ Себѣ въ день воскресенія. Господь ска-

залъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день,*— и сотворитъ.

Такимъ образомъ, всѣ великія обѣтованія Господа нашего Іисуса Христа приличествуютъ почившему Архипастырю, подвигомъ добрымъ подвизавшемуся.

Еще мы увѣрены, что знаменательное отшествіе отъ насъ Святителя нашего въ селенія небесныя устроено не только къ его благу, но и къ большему благу насъ. Тамъ великій духъ его, не связуемый немощами плоти, явитъ большую силу въ ходатайственныхъ молитвахъ о насъ грѣшныхъ: духовныя очи его, благодатію Божіей несравненно болѣе просвѣщенныя, яснѣе узрятъ недуги и немощи наши, и онъ подастъ болѣе дѣйствительное врачевство по нуждѣ каждаго.

Осиротѣвшая паства Московская! Всему міру извѣстно, какъ велика была любовь твоя къ почившему Архипастырю при его жизни; она еще съ большею силой открылась при священномъ гробѣ его, и наконецъ подвигла тебя за нимъ во святую обитель сію, на мѣсто упокоенія многоутрудженнаго тѣла его. Посему не только излишнимъ, но и непристойнымъ представляется призывать васъ, слушатели, къ постоянному молитвенному воспоминанію о преставльшемся Архипастырѣ нашемъ во вся дни живота вашего, до того времени, когда вы срѣтите его въ горнемъ мірѣ блаженныхъ духовъ.

Но съ молитвеннымъ воспоминаніемъ о немъ на

насъ лежитъ еще другая обязанность: это подражаніе вѣрѣ его, оправданной всею жизнію. *Поминайте,* говоритъ Писаніе, *наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе: ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. XIII, 7.).

По истинѣ, лица всѣхъ званій найдутъ въ немъ добродѣтели, соотвѣтственныя ихъ состоянію; ибо онъ былъ *образомъ для вѣрныхъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (I Тим. IV, 12.).

Пастыри, имъ руководимые, слышали слово его, всегда растворенное солію благодати, испрошенной имъ отъ Бога, видѣли въ немъ всѣ добродѣтели, наипаче ихъ сану пристойныя: благоговѣйность, трезвѣніе ума и тѣла, мудрое врачеваніе недуговъ душевныхъ, неусыпную заботливость о всѣхъ ввѣренныхъ ему безъ изъятія.

Мужи, облеченные начальственнымъ величіемъ и славою, видѣли въ немъ при величіи смиреніе и благопривѣтливость ко всѣмъ, въ отношеніи же къ подчиненнымъ ему снисхожденіе къ немощамъ ихъ до послѣдней степени, при внѣшней, видимой, истинно-отеческой строгости.

Мужи, надѣленные отъ Бога богатствомъ земнымъ, не могли не видѣть въ немъ достойнаго приставника небеснаго Домовладыки, употреблявшаго ввѣренныя ему блага на дѣла благотворенія.

Обязавшіеся строгими обѣтами иноки знаютъ его

бодренность въ молитвѣ, воздержаніе, цѣломудріе, терпѣніе и, среди самаго общества, пустынножитіе.

Наконецъ всѣ христіане знаютъ его неизмѣнную любовь къ Господу Іисусу Христу и Его святой церкви, его непоколебимую преданность престолу и отечеству, точное исполненіе всякаго долга, возлагаемаго на него церковію и отечествомъ, и вообще постоянное помышленіе его о томъ, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. IV, 8.).

Подражаніе добродѣтелямъ почившаго Святителя по мѣрѣ дарованныхъ каждому силъ есть какъ наша обязанность, такъ и лучшая дань любви къ нему.

Великій Святитель нашъ, отче Филарете! Уповая, что духъ твой, воспарившій въ горнія обители, имѣетъ дерзновеніе ко Всевышнему предъ престоломъ величествія Его на небесѣхъ, просимъ тебя, не забывай насъ въ своихъ ходатайственныхъ молитвахъ и низводи благословеніе небесное на преданную тебѣ паству Московскую, на царство Россійское и на всѣхъ христіанъ церкви православной, на землѣ воинствующей. Аминь“.

Литургію эту совершалъ Высокопреосвященный Митрополитъ Кіевскій Арсеній, въ сослуженіи съ Архіепископами Ниломъ и Антоніемъ и Епископомъ Леонидомъ; вслѣдъ за литургіею была совершена соборнѣ паннихида по усопшемъ. При сей службѣ при-

сутствовали: Московскій Генералъ-Губернаторъ князь Долгоруковъ, князь Н. И. Трубецкой, гражданскій губернаторъ Барановъ, А. Н. Муравьевъ и многіе почетные граждане Москвы.

Въ этотъ же день въ трапезной Лавры, гдѣ еще такъ недавно раздавалось „многая лѣта“ маститому юбиляру, была заупокойная трапеза на 200 человѣкъ. Раздалась въ ней въ это время другая пѣснь;—предъ концемъ обѣда было пропѣто:

„Со святыми упокой“ и провозглашена „вѣчная память“ почившему Владыкѣ.

Вторникъ 28-го Ноября былъ днемъ погребенія Высокопреосвященнаго Митрополита Филарета; девять дней, такимъ образомъ, тѣло его не было предано землѣ.

Послѣднюю литургію надъ его гробомъ совершалъ Высокопреосвященный Арсеній въ сослуженіи Преосвященныхъ Никандра и Леонида, съ Намѣстникомъ лавры и прочимъ духовенствомъ. Профессоръ богословія въ Московскомъ Университетѣ протоіерей Н. А. Сергіевскій, во время причастнаго стиха, произнесъ слѣдующее краснорѣчивое и выразительное слово.

„Что сіе нынѣ творитъ великая Лавра Сергіева? Ради чего въ ней это необычайное, не однодневное собраніе святителей, священства, иночества, синклита, народа?

Великая Лавра, съ необычайнымъ соборомъ, свя-

щеннодѣйственно пріемлетъ нынѣ своего великаго Священно-Архимандрита и во іерархахъ великаго Филарета, внезапно, необычнымъ шествіемъ къ ней пришедшаго, дабы никогда уже не оставлять ея тѣломъ своего смиренія. Торжество печальное! Увы, великая обитель Сергіева!

Какъ ни пріобыкла ты ко гробамъ, наученная видѣть въ гробахъ не смерть, но жизнь,—и не только жизнь, но еще не оскудѣвающіе источники жизни; однако можешь ли нынѣ сразу вознести свой духъ на такую надземную высоту и укрѣпиться сердцемъ своимъ столь непоколебимо, чтобы не возмутиться чувствомъ, не уронить слезы, видя своего Отца уже не предстоящимъ въ священноначаліи и священнодѣйствіи, но предлежащимъ во гробѣ? Не нарушишь заповѣди безмолвія, пустыня, — огласись плачемъ и рыданіемъ! Увы, пустыня Сергіева, — великій Филаретъ во гробѣ!...

Едине Человѣколюбче и Сердцевѣдче! Ты Самъ, прослезивыйся при гробѣ Лазаря, милостиво воззри на сіе сѣтованіе! Не скорбимъ, яко не имущіи упованія, но оскорбихомся въ покаяніе, оскорбихомся по Бозѣ, помышляя, что за грѣхи наши лишени есмы великаго дара, дара духовнаго, дара церковнаго. Увы, — не только обитель Сергіева, — увы, великая Церковь Московская! Увы—скоро услышится скорбный отзвукъ и по всей Церкви Православной!...

Великаго Ея стража, великаго учителя вѣры и бла-

гочестія, великаго — вѣрнаго свидѣтеля православія ищущимъ его и не ищущимъ—не стало! Не стало Святителя московскаго Филарета: запечатлѣлись златыя уста, смолкло сильное духовное слово!

Помышляя о семъ, трепещу, отцы и братія, какъ дерзаютъ мои убогія уста немощнымъ и бреннымъ словомъ даже колебать воздухъ сего святилища, который, кажется, еще трепещетъ отъ молитвеннаго и учительнаго гласа громова,—дерзаютъ нѣмотствовать о семъ высокомъ гласѣ и, можетъ быть, только нарушаютъ поучительнѣйшую тишину самаго безмолвія гробоваго покоя!...

Но ободри смущеніе немощи, сильный духомъ Учителю, ободри твоимъ отеческимъ снисхожденіемъ, и дозволь воспріять слово отъ твоихъ собственныхъ словесъ, да благовѣстятъ они еще въ сей великій часъ *въ церкви велицѣй* (Псал. XXXIX, 10), какъ бы по твоему святительскому мановенію.

Двадесять пять лѣтъ назадъ, въ словѣ при освященіи храма явленія Божіей Матери Преподобному Сергію, устроеннаго въ сей его Лаврѣ надъ мощами преподобнаго Михея, Святитель Филаретъ любомудрствовалъ о любви къ пустынѣ и объ истинномъ духовномъ жительствѣ въ пустынѣ. Вдохновенно начертавъ строго свѣтлыми чертами образъ духовнаго пустынножителя и возбуждая братій святой обители сей къ спасительнымъ подвигамъ по сему образу, онъ самъ—истинный подвижникъ, ходящій узкимъ и вмѣ-

стѣ возвышеннымъ путемъ духа,—однако съ глубокою скорбію и столь же глубокимъ смиреніемъ и преданностію волѣ Божіей глаголалъ:

„Мнѣ же, который не долго бесѣдую съ пустыней и о пустынѣ, и потомъ долго пребываю въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ,—*кто дастъ ми крилѣ яко голубинѣ, и полещу и почію?* Могу ли сказать себѣ, — или когда наконецъ возмогу сказать: *се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустынѣ?* Когда облегчусь отъ бременъ чужихъ, чтобъ обратить все попеченіе къ облегченію собственнаго, да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду? О, Дающій иному крилѣ яко голубинѣ, дабы летѣть и безвозвратно почить въ пустынѣ, а иному—гласъ кокоши, чтобы созывать Твоихъ птенцовъ подъ Твои крилѣ! Собирай Самъ, и храни всѣхъ насъ подъ крилами Твоея области, и—стогнами ли селеній, тропинками ли пустыни—приведи наконецъ всѣхъ въ тотъ вѣчно-безопасный градъ, изъ котораго не нужно будетъ убѣгать ни въ какую пустыню“.

Сими, по истинѣ, неземной силы словами, отцы и братія, — какъ бы нарочито управляются наши смятенные помыслы. Сими глаголами устъ яко благоухающихъ вѣрою, надеждою и любовію—какъ бы преднамѣренно воодушевляются наши смущенныя скорбію сердца. Совершившееся совершилось по молитвѣ Первосвященнической!—И что еще?—Если для насъ со-

вершилось внезапно, то для самаго Священномолитвенника, какъ знаемъ, приспѣло не неожиданно.

Хотя и не чрезъ пустыню, се, онъ приведенъ духомъ въ тотъ вѣчно-безопасный градъ, котораго не сравнитъ теперь ни съ какою пустыней, — небесный Іерусалимъ, *граду не требуяй солнца и луны, да свѣтятъ въ немъ: слава бо Божія просвѣщаетъ его, и свѣтильникъ его Агнецъ* (Апок. XXI, 23.). И какъ чудно приведенъ—въ день, хотя прикровенно, но предуказанный!

Крѣпко держа сей день, по слову, еже сказало ему *пути живота* (Исал. XV, 11.). Святитель сталъ на Божественной стражѣ, и — духомъ горя совершилъ безкровную жертву Вѣчнаго Агнца, возблагодарилъ Владыку Человѣколюбца, яко сподобилъ его небесныхъ Своихъ и безсмертныхъ Таинствъ; въ семъ благодареніи воззвалъ по обычаю священства: исправи нашъ путь, утверди наша стопы; и прежде чѣмъ сей спасительный, свѣтлый воскресный день склонился къ вечеру, смиренномудренный и бодренный причастникъ дара небеснаго, не вкусивъ еще уготованной ему земной трапезы, во мгновеніе ока безболѣзненно преведенъ на небо къ веліей и священнѣйшей трапезѣ, дабы истѣе причащатися самаго присно животнаго Источника въ невечернемъ дни вѣчнаго царствія. Какое чудное, блаженное преведеніе отъ прекаанія во градѣхъ земныхъ въ вѣчно безопасный градъ небесный!

Наконецъ, не видимъ ли, что не осталось не исполненнымъ даже и его желаніе пустыни, какъ святое желаніе, въ словѣ молитвеннаго восторга открывшееся изъ сокровеннаго въ Бозѣ духа? Се, земная храмина его, наконецъ, водворится въ пустынѣ, — въ пустынѣ же Сергіевой; и — о дивное устроеніе Божіе! водворится едва не въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ нѣкогда онъ съ любовію бесѣдовалъ о пустынѣ и въ сладковѣщаніи о ней вкусилъ сладость ея. *Даде Господь по сердцу его и весь совѣтъ его исполни* (Пс. XIX, 5.). Еще мало, и водворится тамъ, гдѣ желалъ, на вѣчный покой до явленія Господа нашего Іисуса Христа (1 Тим. VI, 14.).

Довольно ли сего для врачеванія скорби нашей? — Совершеннымъ, можетъ-быть, и довольно; они умѣютъ даже радоваться въ скорбяхъ: хвалимся въ скорбяхъ, говоритъ о себѣ Апостолъ (Рим. V, 3.). Но мы.... едва смѣемъ называться меньшими учениками апостольскими, и скорбь наша велика зѣло: *яко отецъ нашъ оставилъ есть насъ* (Псал. XXVI, 10)! Но отцы и братія! на все есть сильный и поучительный глаголъ у Отца нашего. „Исполняйте же, сказуетъ еще онъ, хотя другое, меньшее слово апостольское: *скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе* (Рим. XII, 12)“.

Но и ты, священный Отче и Архипастырю нашъ! Помолися о насъ, какъ и мы молимся и не перестанемъ молиться о тебѣ. Знаемъ, что молитва есть дѣло

взаимное, ибо есть дѣло любви. Знаемъ также, что много можетъ молитва праведнаго.

Покланяемся честному гробу твоему! Благослови насъ духомъ твоимъ съ неба, предъ конечнымъ отшествіемъ тѣла твоего въ сокровенная земли, да силою сего благословенія возвратимся въ Іерусалимъ, великій и святый градъ твоего святительства, хотя въ надеждѣ радости, что послетъ Христосъ Богъ, Глава Церкви,—послетъ церкви Московской, вмѣсто тебя, пастыря благопотребна. Ей, отцы и братія, да будетъ! Аминь.

Это выразительное и выразительно сказанное слово произвело глубокое впечатлѣніе: глубоко прочувствованныя, окриленныя высокою мыслію и задушевнымъ чувствомъ слова предлежащаго въ гробѣ, сказанныя имъ въ оградѣ этой же обители, имѣли потрясающее дѣйствіе. Жаждавшій пустыни на вѣки удалялся въ пустыню:—ему даны были крилѣ яко голубинѣ, и онъ уже полетѣлъ и почилъ. И вотъ въ часъ по полудни гробъ былъ поднятъ старшими изъ братіи Лавры, и въ предшествіи всего освященнаго собора, былъ вынесенъ въ южныя двери; пропѣты были литіи у этихъ южныхъ дверей, потомъ противъ олтаря, у сѣверныхъ и западныхъ дверей Троицкаго Собора, и процессія направилась въ придѣльный храмъ, воздвигаемый въ память пятидесятилѣтняго юбилея почившаго Владыки. Храмъ еще не готовъ, но въ немъ была готова могила для маститаго юбиляра — знаменитая могила!

Могила выложена оштукатуреннымъ кирпичемъ, глубина ея въ 2½ аршина, въ могилѣ стоялъ другой дубовый гробъ, устланный можжевельникомъ, въ него-то и былъ опущенъ кипарисный гробъ, около котораго перебывала вся Москва, предъ которымъ падалъ ницъ народъ во время его переѣзда изъ Москвы въ Троицко-Сергіеву Лавру, и который цѣлымъ населеніемъ встрѣтили и приняли и Лавра и посадъ.

Гробъ скрылся.... надъ нимъ теперь тяжелая плита и вскорѣ воздвигнется еще болѣе тяжелая гробница; но Пастырь живъ въ чувствахъ народа и долго, долго будетъ живъ въ его памяти.

Многіе любопытствуютъ знать, почему покойный святитель Филаретъ перемѣнилъ желаніе быть по смерти положену въ Скитѣ Геѳсиманіи, а положенъ въ Лаврѣ.

Въ удовлетвореніе сего желанія вносится здѣсь о семъ бывшее предложеніе:

„Святѣйшаго Правительствующаго Сунода Члену, Высокопреосвященнѣйшему Филарету, Митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкія Сергіевы Лавры Священно-Архимандриту и разныхъ Орденовъ Кавалеру.

Лавры Намѣстника и духовника Архимандрита Антонія

СМИРЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ.

„Съ нѣкотораго времени стало извѣстно, что Ваше Высокопреосвященство намѣрены, памятуя о смерти, избрать мѣсто покоя тѣлу Вашему въ Скитѣ Геѳсиманіи.

„Большая часть Настоятелей обители Преподобнаго Сергія покоищемъ по смерти тѣлу своему избрали обитель Преподобнаго Сергія и какъ при жизни своей, такъ и по смерти, желали быть положенными близъ Его, на землѣ, освященной подвигами и молитвами Его.

„Однажды старцу Лавры, Варлааму, предъ смертію, явился Преподобный Никонъ и сказалъ, что служащему обители надо быть въ ней и положену по смерти, дабы въ общее воскресеніе явиться въ сонмѣ подвижниковъ обители.

„Въ Скитѣ Геѳсиманіи быть положену по смерти тѣлу Вашему есть слѣдующее препятствіе: Сами Вы

разсудили, для основательнаго изученія и прохожденія монашеской уединенной жизни, сдѣлать скитъ невходимымъ женскому полу, и дали рѣшеніе — бывать женщинамъ въ скитѣ одинъ только день въ году, 17-е число Августа.

„Когда же Богу угодно будетъ призвать душу Вашу, отъ болѣзней и трудовъ, въ блаженный вѣчный покой, то трудно и даже жестоко будетъ отказать цѣлой половинѣ людей, то есть женскому полу, приносить о Васъ молитву надъ гробницею Вашею.

„А допустить сіе, значитъ разрушить уединенность и безмолвіе скита, чего Боголюбивая душа Ваша не пожелаетъ ни здѣсь, ни въ вѣчности.

„Какъ Настоятель Лавры Преподобнаго Сергія, благословите въ покоище тѣла Вашего, на южной сторонѣ Сошественской церкви устроить часовню, подобно какъ устроена часовня для гробницы Преподобнаго Максима Грека.

„Мѣсто недалеко отъ Преподобныхъ Настоятелей, почивающихъ тѣлесно: Преподобнаго Сергія, Никона, Іоасафа, Серапіона, Діонисія, и многихъ другихъ, бывшихъ Настоятелями обители.

„И на семъ мѣстѣ откроется невозбранно всѣмъ, и мужескому и женскому полу, приносить сердечныя свои о Васъ молитвы, когда Боголюбивую Вашу душу приметъ Господь въ Свои руцѣ, надъ гробницею покоища Вашего. Смиренно отъ всея обители Преподобнаго Сергія, у ногъ Вашихъ умоляю Васъ изъя-

вить Ваше согласіе на устроеніе часовни на южной сторонѣ Сошественской церкви для гробницы.

„Вашего Высокопреосвященства, милостивѣйшаго отца и покровителя, нижайшій послушникъ и духовникъ,

Лавры Намѣстникъ
Архимандритъ Антоній“.

Іюля 24-го дня 1867 года.

На семъ предложеніи Октября 5-го дня 1867 года послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства:

„Да сохраняется безмолвіе Геѳсиманскаго Скита и да не будетъ отъ меня причины къ нарушенію онаго.

„Преподобный отецъ нашъ Сергій да призритъ милостиво, и да благословитъ мой послѣдній покой въ обители Его, подъ кровомъ молитвъ Его, и другихъ по Немъ здѣсь Богоугодно подвизавшихся. Прошу о семъ и завѣщаваю сіе“.

Ф. М. Московскій.

Кажется, здѣсь бы и конецъ нашему очерку. Но рѣчь о Митрополитѣ Филаретѣ долго, долго на Руси не будетъ имѣть окончанія—она долгое время будетъ литься нескончаемой струею. Лишь только было примолкла она, мы видимъ новое освѣщеніе этой великой личности, мы узнаемъ, что его благословляющей рукѣ принадлежитъ манифестъ 19-го Февраля 1861 года, что эти трогательныя слова:—„осѣни себя крестнымъ

знаменіемъ православный народъ“ и т. д. вырвались отъ его народолюбящаго сердца. Послѣ двадцатидневія его кончины во всѣхъ церквахъ столицы читается его короткое, говорящее о глубокомъ его смиреніи „духовное завѣщаніе“, которое написано имъ еще въ 1833 г., въ пору полноты душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, и которое изрекаетъ намъ слѣдующее поученіе:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

„Сія глаголетъ Господь: *устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты* (Ис. XXXVIII, 1.).

„И такъ завѣщавать на случай смерти даетъ право и примѣръ слово Божіе. Употребимъ сіе право, пока Богъ благостію и долготерпѣніемъ даруетъ время.

„Ни что не мое. Все милостію Божіею и благодѣяніемъ ближнихъ.

„Господи! пріими духъ мой и существо мое, во грѣхахъ рожденное, но святымъ таинственнымъ крещеніемъ обновленное, паки во грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ обетшавшее и паки въ покаяніи просящее и чающее оправданія туне благодатію Твоею, избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ, Его же предположилъ еси очищеніе вѣрою въ крови Его. Не отвержи мене отъ лица Твоего.

„Братія о Господѣ и чада Единыя Святыя Церкви! Пріимите благословеніе именемъ Господнимъ, и благодареніе за всякое недостойному мнѣ благодѣяніе, наставленіемъ, помощію, снисхожденіемъ, служеніемъ. Простите меня недостойнаго во всемъ Христа ради.

Да проститъ Богъ всѣхъ васъ во всемъ, по чему кто имѣетъ нужду въ прощеніи. Не лишите меня послѣдняго благодѣянія—молитвъ вашихъ о мнѣ къ Богу.

„Благодать со всѣми вами. Аминь". Филаретъ недостойный Митрополитъ Московскій.

Писалъ своею рукою въ Москвѣ, на Троицкомъ подворьѣ, въ день Воздвиженія Честнаго креста Господня, 14-го Сентября 1833 года.

Храмъ надъ могилою почившаго въ Бозѣ Святителя въ Лаврѣ, во имя Праведнаго Филарета, скоро приведенъ былъ въ благолѣпное устройство. Мысль о сооруженіи сего храма возникла еще тогда, когда въ Лаврѣ происходили невиданныя доселѣ торжества, которыми церковь Московская, при участіи всей церкви Русской и, можно сказать, всей Православной, ознаменовала здѣсь празднованіе пятидесятилѣтія Архипастырскаго служенія незабвеннаго своего Святителя Филарета. Въ самый день празднованія, по совершеніи Литургіи въ домовой церкви своего Священно-Архимандрита, Троицкая Сергіева Лавра, состоявшая подъ его непосредственнымъ управленіемъ во все время его Святительства на каѳедрѣ Московской (съ 1821-го года), принесла своему Настоятелю поздравленіе чрезъ Намѣстника Лавры съ старшею братіею, предваривъ своимъ поздравленіемъ послѣдовавшія привѣтствія. При семъ Намѣстникъ Лавры поднесъ Митрополиту св. икону, нарочито изготовленную для сего дня въ инокописной мастерской Лавры. Икона эта

замѣчательна соединеніемъ на ней священныхъ изображеній съ надписями, которыми обозначены замѣчательнѣйшія эпохи въ жизни Святителя. На иконѣ изображенъ церковный иконостасъ; въ отверстыя царскія врата виденъ св. Престолъ (къ которому ведутъ три ступени съ подписями,—на первой: 1782-го года Декабря 26-го, на второй: 1808-го Ноября 16-го, на третьей: 1817-го года Августа 5-го,—это годы и дни рожденія, постриженія въ монашество и епископской хиротоніи Святителя). Около Престола изображены стоящими Василій Великій и Филаретъ Милостивый, именами которыхъ Святитель нареченъ былъ по рожденіи и по принятіи монашества. Изображенія святыхъ въ иконостасѣ напоминаютъ день (св. мученикъ Евсигній) и мѣсто (св. Александръ Невскій) епископской хиротоніи Митрополита, каѳедры его Святительствованія (св. Михаилъ Тверской, годъ 1819,—коѳедра Тверская; св. Ѳеодоръ, Давидъ и Константинъ, годъ 1820—каѳедра Ярославская; Святители Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, годъ 1821 — каѳедра Московская) и Настоятельствованія въ Лаврѣ (изображенія Преподобныхъ Сергія и Никона). Икона—превосходнаго письма и украшена сребропозлащеннымъ окладомъ.

За тѣмъ, желая навсегда увѣковѣчить память о пятидесятилѣтнемъ достославномъ служеніи Митрополита Филарета въ санѣ Епископа, Учрежденный при Лаврѣ Соборъ вошелъ къ Митрополиту съ представленіемъ слѣдующаго содержанія: „Ваше Высокопрео-

священство! Милостивый Отецъ и Архипастырь! Предстательствомъ Святыхъ угодниковъ Божіихъ благодать Божія, благословлявшая дни и лѣта Ваши, явила благословеніе свое и въ день исполнившагося пятидесятилѣтія служенія Вашего въ Святительскомъ санѣ: сего 5-го Августа собравшимся по волѣ Монарха и собственнымъ произволеніемъ сонмомъ Святителей, какого Обитель Преподобнаго Сергія одновременно никогда не видала, и многочисленными посѣтителями, въ числѣ коихъ было болѣе трехъ сотъ депутатовъ изъ Духовныхъ лицъ Московской и прочихъ Епархій, изъ гражданскихъ высшихъ сословій, ученыхъ и иныхъ обществъ, всѣми единодушно и искренно, лично и чрезъ подносимые адресы, принесено было Вамъ поздравленіе съ пятидесятилѣтнимъ Архипастырскимъ Вашимъ служеніемъ святой Православной церкви. Благоговѣйно взирая на сіе небывалое торжество, Промысломъ Божіимъ устроившееся, Учрежденный при Лаврѣ Преподобнаго Сергія Соборъ подвигнутъ къ мысли: въ память совершившагося пятидесятилѣтія Вашего служенія въ санѣ Святительскомъ — событія столь знаменательнаго, устроить при Сошественской церкви съ южной стороны придѣлъ въ честь Праведнаго Филарета, котораго имя Вы носите. Если на сіе будетъ Вашего Высокопреосвященства соизволеніе, то всѣ поднесенныя Вамъ св. иконы въ день поздравленія 5-го Августа, помѣстить въ оном придѣльномъ храмѣ Праведнаго Филарета, съ надписаніемъ подъ

каждою иконою, отъ кого она принесена, въ какомъ году и въ какой день мѣсяца, дабы сердечною любовію подвигнутые къ поднесенію Вамъ иконъ видѣли сами и знало бы потомство ихъ, что молитвенное ихъ усердіе Вами принято благоговѣйно, и дары сего усердія помѣщены въ храмѣ Божіемъ для общаго моленія. При семъ прилагая планъ и фасадъ придѣльнаго храма Праведнаго Филарета, Учрежденный Соборъ смиреннѣйше испрашиваетъ разрѣшить сію постройку: дабы не опускать благопріятнаго времени, нынѣ же можетъ быть начатъ храмъ и вчернѣ въ скоромъ времени быть выстроенъ". На семъ представленіи Митрополитъ 9-го Августа написалъ слѣдующія слова: „Не отъ моей мысли начало сего предпріятія. Но предъ устроеніемъ Божіимъ преклоняя мою волю, соглашаюсь съ желаніемъ братіи. Да будетъ сіе въ славу милосердія Божія". По полученіи сего разрѣшенія приготовительныя къ постройкѣ работы немедленно были начаты. И основаніе храма положено по чину церковному 16-го Августа, при молитвахъ Святителя Митрополита, присутствовавшаго у окна домовой церкви во все время закладки.

Итакъ, когда положенъ былъ первый камень въ основаніе храма Праведнаго Филарета, самъ приснопамятный Архипастырь молитвенно участвовалъ въ этомъ дѣйствіи и благословилъ начало новосозидаемаго храма. Въ немъ же онъ указалъ мѣсто своего „послѣдняго покоя". Мѣсто для могилы назначено са-

мимъ Святителемъ Филаретомъ къ южной стѣнѣ въ храмѣ противу южныхъ дверей олтаря, и чтобъ одна была въ олтарь дверь сѣверная, а вмѣсто южной— храмовой образъ Праведнаго Филарета, такъ самимъ имъ назначено словесно Намѣстнику, и такъ выполнено. Такимъ образомъ новосозидаемый храмъ получилъ назначеніе быть нетолько священнымъ памятникомъ пятидесятилѣтняго служенія церкви Божіей одного изъ знаменитѣйшихъ іерарховъ Россійскихъ, но и мѣстомъ его смертнаго покоища. Прошло немного болѣе мѣсяца послѣ послѣдняго отъѣзда изъ Лавры Святителя Филарета, и Сергіева Лавра опять встрѣтила своего Настоятеля, но уже мирно почіющаго во гробѣ, а могила, устроенная въ новосозидаемомъ храмѣ Праведнаго Филарета, приняла въ себя тѣлесные останки блаженнаго Обитателя.... Въ это время церковь была уже окончена внѣшнею постройкой и надъ гробомъ приснопамятнаго Архипастыря началось непрерывное чтеніе Псалтири и служеніе панихидъ едвали кто изъ безчисленныхъ богомольцевъ, бывшихъ съ того времени въ Лаврѣ, ушелъ оттуда, не почтивъ его памяти поклоненіемъ ему и молитвеннымъ о немъ воспоминаніемъ на мѣстѣ его покоища.

Между тѣмъ работы по внутреннему устроенію церкви шли очень быстро. Одинъ изъ чтителей Митрополита Филарета, П. Г. Цуриковъ принялъ на свой счетъ всѣ расходы по сооруженію храма. Благодаря его щедрости, зданіе приняло благолѣпный видъ.

Снаружи къ западной сторонѣ, по протяженію новосооружаемой церкви, Сошественской и часовни Максима Грека, пристроенъ красивой архитектуры общій притворъ въ видѣ широкой и длинной галлереи; восточная часть Максимовской часовни также передѣлана въ соотвѣтствіе олтарю новой Филаретовской церкви. Такимъ образомъ составилась цѣлая группа зданій, съ очень красивымъ фасадомъ, если смотрѣть на нее отъ Троицкаго Собора, и вообще съ западной стороны. Наблюдатель не оставитъ безъ вниманія и этого знаменательнаго соединенія по обѣимъ сторонамъ храма, посвященнаго Духу Святому, Духу премудрости и разума, двухъ историческихъ могилъ: въ одной опочилъ теперь въ наши дни прославившійся мудрый Святитель церкви Россійской, въ другой же болѣе трехъ сотъ лѣтъ покоится мужъ также знаменитый своею ученостію и трудами на пользу той же церкви. Внутренняя отдѣлка новой Филаретовской церкви, къ сожалѣнію въ слѣдствіе особыхъ мѣстныхъ условій слишкомъ тѣсной по своимъ размѣрамъ, отличается большимъ богатствомъ. Красивый иконостасъ по рисунку, одобренному самимъ покойнымъ Владыкою Филаретомъ, сдѣланъ изъ розоваго дерева и въ великомъ изобиліи покрытъ золотою рѣзьбой. Мѣстная храмовая икона Праведнаго Филарета, писанная въ Лаврѣ,—та самая, которая въ день юбилея поднесена была покойному Владыкѣ Московскимъ духовенствомъ; три другія мѣстныя иконы (Спасителя, Божіей Мате-

ри и Преподобнаго Сергія) такой же мѣры и тѣмъ же пошибомъ нарочно написаны въ Лаврской живописной. Въ олтарѣ сдѣланъ крестовидный иконостасецъ для иконъ, и устроены запрестольные крестъ и икона Богоматери, срачица и одежды на престолъ и жертвенникъ, вседневныя и праздничныя, завѣса, покровы, пелены, воздухи, приложены три евангелія, двои сосуды съ приборами, два креста, дарохранительница, кадило, кропило, сребропозлащенные, вѣсу во всѣхъ сихъ вещахъ болѣе 34 фунтовъ, золоченый бронзовый седмисвѣчникъ за престоломъ предъ иконостасомъ, устроены: бронзовая позолоченная рѣшетка по солеѣ, хоругви двѣ и пять бронзовыхъ золоченныхъ подсвѣчниковъ, такое же паникадило, лампадки, два кадила, тарелки, водосвятная чаша, панихидный столикъ, ладанница, сосудъ для освященія хлѣбовъ; всѣ оныя вещи сдѣланы весьма изящно и прочно; пожертвованы ковры и сукна для храма, облаченія Преосвященному Митрополиту и срачицы служащимъ при освященіи; и все это благолѣпное украшеніе храма и снабженіе его всѣми утварьми въ избыткѣ совершено ктиторомъ г. Цуриковымъ на собственное иждивеніе. Ктиторомъ же храма устроены еще, поставленные у западной стѣны храма по обѣимъ сторонамъ входной двери, два шкафа, также изъ розоваго дерева, въ коихъ размѣщены облаченія и богослужебныя принадлежности въ Бозѣ почившаго Архипастыря: въ одномъ бѣлый клобукъ его, мантія, по-

сохъ, рипиды и омофоръ, въ которомъ служилъ почившій въ день своей кончины, въ другомъ—украшенная крестомъ митра, саккосъ, омофоръ и прочія облаченія, панагія и крестъ перламутровые, трикиріи и дикиріи съ тѣми самыми свѣчами, которыя были употребляемы Владыкою при послѣднемъ священнослуженіи въ Лаврѣ 25-го Сентября 1867 года. Такъ благоустроенъ храмъ, подъ священною сѣнію котораго покоятся послѣдніе останки Святителя Московскаго Филарета. Надъ мѣстомъ покоища Святителя Филарета устроена деревянная гробница, огражденная такою же бронзовою рѣшеткою, какою ограждается и солея. Верхъ гробницы обыкновенно покрытъ пеленою, поверхъ которой противъ главы Святителя положена серебряная вызолоченная дска, шириною 15 вершковъ и вышиною 10 вершковъ, вѣсомъ до 5½ фунтовъ, устроенная также, какъ и рѣшетка, отъ усердія ктитора храма П. Г. Цурикова. На сей надгробной дскѣ отчеканено изображеніе распятія Господа Іисуса Христа, около котораго съ боковъ вверху вычеканены рельефомъ слова: „Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь“, и внизу: „Молитвами Святителя Филарета Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ“. Передъ гробницею на сторонѣ, обращенной къ иконостасу, по правую сторону утвержденъ предносный крестъ, присланный Почившему по случаю юбилейнаго Его торжества изъ Кіево-Пе-

черской Лавры отъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Арсенія, и замѣчательный по своей древности. На немъ съ лицевой стороны на крестѣ изображены Распятіе съ предстоящими, сверху же: Господь Саваоѳъ и Духъ Святый, а внизу: Преподобный Варлаамъ и Іоасафъ Царевичь; съ другой стороны: въ срединѣ креста—Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; на верхнемъ отрогѣ креста — Всевидящее Око съ надписью: ὁ Θεὸς и Св. Григорій; на правомъ—Преподобный Антоній Печерскій, и около него въ особомъ клеймѣ Евангелистъ Лука; на лѣвомъ—Преподобный Ѳеодосій Печерскій, и около него въ особомъ же клеймѣ Апостолъ Андрей Первозванный; на нижнемъ—гербъ Кіевскихъ Митрополитовъ, при которомъ въ боковыхъ клеймахъ надпись: сей с. крестъ состроися въ цр҃т. бе. градѣ Москвѣ лѣта Гд҃ня ҂аѱ҃и. Сентє҃ г҃. По лѣвую строну гробницы утвержденъ посохъ Митрополита Филарета, тотъ самый, который употребленъ былъ имъ при послѣднемъ его священнослуженіи 19-го Ноября 1867 года. Вверху надъ гробницею въ сводѣ изображенъ Св. Пророкъ Авдій съ надписью вокругъ: „Ноября 19-го дня 1867 года—день кончины Митрополита Филарета“. На противоположной сторонѣ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ изображеніе Собора Пресвятыя Богородицы, и подъ нимъ надпись: „Декабря 26-го дня 1782 года — день рожденія Митрополита Филарета“.

При семъ устроеніи не было забыто и первоначальное назначеніе храма—быть священнымъ памятникомъ пятидесятилѣтія Архипастырскаго служенія почившаго Іерарха: въ храмѣ размѣщены всѣ иконы, Ему поднесенныя въ день торжества сего пятидесятилѣтія. А именно изъ числа этихъ иконъ въ олтарѣ въ иконостасѣ помѣщаются: 1) вышеописанная икона отъ Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, 2) икона Святыя Троицы отъ Н. М. Постникова, старосты Троицкой, что въ Троицкой, въ Москвѣ церкви,—прихожаниномъ которой почитался и Святитель по жительству своему близъ сей церкви на Троицкомъ подворьи, и иконы Богоматери: 2) Корсунская—отъ Таврической Епархіи, и 4) Днѣпрская—отъ Московскихъ единовѣрцевъ. Въ храмѣ, по правую сторону онаго, во второмъ ярусѣ иконостаса иконы: 1) Пресвятыя Троицы — отъ Московскаго Ремесленнаго Общества; 2) Вседержителя— отъ Александроневскія Лавры; 3) Богоматери Почаевская—отъ Почаевскія Лавры; 4) Донская—отъ управляющаго Донскимъ монастыремъ Архіепископа Евгенія; 5) Св. Василія Великаго, Филарета Милостиваго и мученика Евсигнія — отъ духовенства Владимірской Епархіи; въ прилегающемъ къ иконостасу кіотѣ: 6) Богоявленія Господня — отъ Голутвина монастыря, и 7) Преображенія Господня—отъ Московскаго Новодѣвичьяго монастыря; здѣсь же особеннаго примѣчанія достойна икона Казанская Божіей Матери, принесенная изъ Москвы при гробѣ Митрополита

Филарета, полученная имъ въ благословеніе отъ родительницы. По лѣвую сторону храма, во второмъ ярусѣ иконостаса иконы: 1) Воскресенія Христова и дванадесяти праздниковъ на перламутрѣ — изъ Іерусалима; 2) Вседержителя—отъ Тульской Епархіи; 3) Софіи, Премудрости Божіей—отъ Вологодской Епархіи; 4) Богоматери, Иверская—отъ Нижегородской Епархіи; 5) Праведнаго Филарета—отъ гражданъ Царскаго Села; въ прилегающемъ къ иконостасу кіотѣ: 6) Спаса Нерукотвореннаго—отъ Московскаго Заиконоспасскаго монастыря; 7) Успенія Божіей Матери—отъ Аносиной женской пустыни; 8) Божіей Матери, Казанская—отъ Хотькова монастыря; 9) Богоявленія Господня—отъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря; 10) Божіей Матери, Тамбовская—отъ Тамбовской Епархіи; 11) Св. Ипатія Чудотворца—отъ Настоятеля патріаршаго Антіохійскаго подворья въ Москвѣ, и 12) Преподобныя Евфросиніи Полоцкія — отъ Преосвященнаго Саввы, Епископа Полоцкаго. При входѣ въ храмъ, на южной стѣнѣ, въ кіотѣ: 1) Великомученика Георгія—отъ Новгородскаго Юрьева монастыря; 2) Божіей Матери, Касперовская—отъ Херсонской Епархіи; 3) Великомученика Пантелеимона—отъ русскаго, на Аѳонѣ, Пантелеимонова монастыря; 4) Святителя Гурія Казанскаго—отъ духовенства Казанской Епархіи; 5) Святителя Николая Чудотворца—отъ духовенства Вятской Епархіи; 6) Вседержителя—отъ духовенства С.-Петербургской Епархіи; 7) Софіи

Премудрости Божіей — отъ Новгородскаго духовенства; 8) Святителей Ростовскихъ — отъ Ярославской Епархіи; 9) Апостола Андрея и Преподобнаго Антонія отъ русскаго, на Аѳонѣ, Андреевскаго скита; 10) Преподобнаго Даніила Переяславскаго—отъ Данилова Переяславскаго монастыря; 11) Преподобнаго Саввы Сторожевскаго—отъ Саввина монастыря. Въ кіотѣ на сѣверной стѣнѣ: 1) Святителя Иннокентія Иркутскаго—отъ Преосвященнаго Иннокентія, Архіепископа Камчатскаго (нынѣ Митрополитъ Московскій); 2) Мученика Евсигнія — отъ Бородинскаго монастыря; 3) Божіей Матери, Ѳеодоровская—отъ Преосвященнаго Платона, Архіепископа Костромскаго; 4) Вседержителя—отъ Преосвященнаго Іоанникія, Архіепископа Варшавскаго; 5) Св. Маріи Магдалины—отъ Виленскаго женскаго монастыря; 6) Пророка Иліи—отъ русскаго, на Аѳонѣ, Ильинскаго монастыря, и 7) Вседержителя—отъ Преосвященнаго Павла, Епископа Вологодскаго, и наставниковъ Вологодской Семинаріи. Вмѣстѣ съ перечисленными иконами во всѣхъ поименованныхъ мѣстахъ размѣщены всѣ иконы, поднесенныя Высокопреосвященному Филарету различными частными лицами по случаю торжества пятидесятилѣтія его Епископства; къ нимъ прибавлено нѣсколько иконъ, еще прежде поднесенныхъ Его Высокопреосвященству и имъ переданныхъ въ Лаврскую ризницу.

По приведеніи храма Праведнаго Филарета въ полное устройство, торжество освященія его назначено

на 30-е число Іюня мѣсяца 1868 года. Торжество это началось наканунѣ, 29-го числа, въ половинѣ 4-го часа по полудни, соборнымъ служеніемъ молебна Праведному Филарету въ приготовленномъ къ освященію храмѣ, потомъ здѣсь же Намѣстникомъ Лавры съ старшею братіею отправлено всенощное бдѣніе. Утромъ 30-го числа, въ половинѣ 9-го, началося благовѣстъ къ водосвятію, и ровно въ 9 часовъ Митрополитъ прибылъ въ церковь и приступилъ къ дѣйствіямъ освященія, въ сослуженіи Намѣстника Лавры, Ректора Академіи, Казначея Лавры, Протоіерея Гавріила (сынъ Митрополита) и нѣсколькихъ старшихъ Лаврскихъ Іеромонаховъ. Въ началѣ 11-го совершенъ крестный ходъ вокругъ новоосвященнаго храма при огромномъ стеченіи народа, занявшаго всѣ мѣста около церквей и соборовъ Лавры, чтобы видѣть это торжественное шествіе. За тѣмъ, по возглашеніи многолѣтія Царствующему Дому, Вселенскимъ Патріархамъ, Митрополиту, храмоздателю и всѣмъ православнымъ христіанамъ, также вѣчной памяти преставльшемуся Митрополиту Филарету, началось служеніе первой Литургіи въ новоосвященномъ храмѣ. Во время Литургіи воспѣта была заупокойная пѣснь въ память почивающаго въ храмѣ Іерарха. Все церковное торжество было окончено къ половинѣ 1-го часа по полудни, и Митрополитъ непосредственно по выходѣ изъ церкви благословилъ, устроенную на иждивеніе храмоздателя, трапезу для странниковъ, которые заблаговременно

размѣстились за длинными столами, разставленными въ шесть рядовъ на площади предъ самымъ олтаремъ Филаретовской церкви. Это была одна изъ самыхъ умилительныхъ минутъ праздника: ничего не могло быть приличнѣе для памяти Праведнаго Филарета, прозваннаго церковію Милостивымъ, какъ это обильное питаніе алчущей меньшей братіи Христовой; это дѣло милосердія должно было послужить новымъ утѣшеніемъ и для души въ Бозѣ почившаго Архипастыря.

На другой день, 1-го Іюля, предъ началомъ Литургіи, Высокопреосвященный Митрополитъ, въ сослуженіи съ обоими Викарными Епископами и прочимъ духовенствомъ, совершилъ въ новоосвященномъ храмѣ соборную панихиду надъ гробомъ почивающаго здѣсь Архипастыря. Заупокойную Литургію служилъ Преосвященный Леонидъ. Служеніе заупокойныхъ Литургій въ храмѣ Праведнаго Филарета неопустительно продолжается и доселѣ. Кромѣ того, что о Митрополитѣ Филаретѣ возглашается моленіе на каждой Литургіи, какъ о создателѣ храма, въ каждую же Литургію на проскомидіи поминаются Митрополитъ Филаретъ и родъ его по поминовенной записи, писанной собственной рукою Почившаго, поминаются также и на заупокойной эктеніи; по субботамъ еженедѣльно совершаются заупокойныя Литургіи. Послѣ сихъ Литургій поется панихида съ канономъ въ память почившаго Святителя. А каждый день, по окончаніи вечерни въ

Троицкомъ Соборѣ, совершается, такъ называемая, братская панихида въ храмѣ Филарета Милостиваго, на которой возглашается и имя почившаго Святителя. Сверхъ того, по желанію приходящихъ, во всякое время дня совершаются панихиды, на которыхъ желающіе могутъ къ имени Святителя Филарета присовокуплять имена усопшихъ своихъ ближнихъ. Точно также и на всѣхъ поминовеніяхъ къ имени Святителя присоединяются имена лицъ, записанныхъ въ особыхъ заведенныхъ для сего синодикахъ. Поминовеніе сіе совершается и при чтеніи Псалтири въ храмѣ Праведнаго Филарета, которое отправляется непрестанно въ продолженіи цѣлыхъ сутокъ. Каждые два часа смѣняется чтецъ, и предъ отходомъ своимъ въ келлію троекратнымъ ударомъ въ колоколъ возбуждаетъ всю братію Обители къ поминовенной молитвѣ о почившихъ отцахъ и братіяхъ. При семъ неугасимо горятъ въ храмѣ три лампадки: 1) на поминовенномъ столикѣ, 2) предъ храмовою иконою, и 3) предъ Казанскою иконою Богоматери, принадлежавшею Владыкѣ Филарету.

Прости насъ великій Архипастырь, что мы дерзнули почтить Тебя такимъ слабымъ очеркомъ твоей великой личности.

КОНЕЦЪ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

СЛОВО

ВЪ СОРОКОВОЙ ДЕНЬ ПАМЯТИ ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА, 28 ДЕКАБРЯ 1867 г., ПРОИЗНЕСЕННОЕ, ПРИ АРХІЕРЕЙСКОМЪ СЛУЖЕНІИ, ВЪ СВЯТОТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ, ПРОФЕССОРОМЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ, ПРОТОІЕРЕЕМЪ Ф. А. СЕРГІЕВСКИМЪ.

Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отъ нынѣ. Ей глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними (Апок. XIV, 13).

Св. Григорій Богословъ въ словѣ своемъ, сказанномъ въ похвалу почившему св. Василію Великому говоритъ: „совершеннымъ, какъ въ другомъ чемъ, такъ и въ словѣ, если чѣмъ другимъ должны мы, то словомъ“ *). Зная этотъ завѣтъ древнихъ любителей мудрости, и внѣшней, и христіанской, труждающіеся въ словѣ и ученіи подъ сѣнію сей священной обители не могутъ, не желаютъ и не должны оставить безъ исполненія нынѣ, когда видятъ предъ собою стеченіе

*) Твор. св. Григорія Бог. въ р. перев. т. IV, стр. 53.

молящихся, собравшихся сюда, чтобы особеннымъ подвигомъ молитвеннымъ *прямо гроба* преставльшагося ознаменовать заключеніе обычныхъ четыредесяти дней плача о преставленіи великаго соименника Василіева отъ купѣли крещенія, и сподвижника не только по служенію, но и по мудрости и добродѣтели, который еще недавно съ иноческимъ именемъ Филарета украшалъ собою святительскую каѳедру первопрестольнаго града русскаго.

Моей немощи, конечно, приличнѣе было бы послѣдовать мудрому для юныхъ лѣтами, а паче силами духовными, правилу: *юнѣйшій есмь льты: тьмже молчахъ* (Іов. XXXII, 6). А, можетъ быть, и всякому изъ осиротѣвшей паствы Филарета при этой великой утратѣ всего умѣстнѣе было бы подражать примѣру псалмопѣвца, нѣкогда сказавшаго: *онѣмѣхъ и смирихся*, ибо Ты, Господи, нанесъ мнѣ ударъ (Псал. XXXVIII, 3, 10). Но, какъ у псалмопѣвца обновленіе его болѣзни, такъ и у насъ возобновляемая нынѣ съ новою силою скорбь проситъ слова, проситъ *поученія* (ст. 3, 4). Да простятъ же мнѣ мое дерзновеніе предстоящіе отцы и братія, а паче да проститъ досточестная и священная глава — чествуемый нынѣ нарочитымъ поминаніемъ приснопамятный нашъ общій отецъ и Архипастырь, если, вызываемый чредою служенія, осмѣливаюсь отверзать уста, чтобы скуднымъ словомъ почтить нынѣ память сего сильнаго словомъ предъ всѣми знающими его слово людьми. Далъ бы только

Богъ, чтобы приношеніе сіе не совсѣмъ было недостойно великой памяти, которой посвящается въ жертву благоговѣйной признательности и почтительности. *Студенецъ есть глубокъ*, и нѣтъ надежнаго *почерпала* у меня (Іоанн. IV, 11).

Приличную пищу нашему слову можетъ подать гласъ сообщенный и къ нашему слышанію, но прямо *съ небесе* слышанный тайнозрителемъ Іоанномъ, *гласъ глаголющъ: напиши: блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отъ нынѣ. Ей глаголетъ Духъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ: дѣла бо ихъ ходятъ въ слѣдъ съ ними.*

Примѣчательнѣе всего въ этомъ гласѣ на первый взглядъ то, что въ немъ возвѣщаемая истина подтверждается клятвою. *Ей глаголетъ Духъ.* Приходитъ *гласъ съ небесе*: приходитъ отъ Духа, который есть *Духъ истины* (Іоанн. XIV, 17); приходитъ къ прозорливцу, предъ которымъ открылся Тотъ, Кто есть *Аминь, Свидѣтель вѣрный и истинный* (Апок. III, 14); приходитъ тогда, когда и всему міру явленъ былъ сей Свидѣтель, въ которомъ всѣ *обѣтованія Божія* суть *ей и аминь* (2 Кор. I, 20). И однако Духъ, возвѣщая *о упованіи жизни вѣчныя, юже обѣтова неложный Богъ прежде лѣтъ вѣчныхъ* (Тит. I, 2), употребляетъ при семъ возвѣщеніи въ посредство клятву. *Ей глаголетъ Духъ.* Но для чего бы ни была употреблена сія клятва, въ ней имѣемъ мы лишнее показаніе непреложности обѣтованія и тѣмъ болѣе *крѣпкое утѣшеніе, аки котву души тверду же и извѣстну*, не да-

ющую мѣста никакому прекословію (Евр. VI, 17—19, 16). *Ей глаголетъ Духъ*, Самъ *Нетлѣнный*. (Прем. Сол. XII, 1) и Присноживотный, глаголетъ о нѣкоторыхъ изъ умирающихъ: *блажени мертвіи*.

Подлинно, это—такой гласъ, который и могъ быть возвѣщенъ только *съ небесе*,—гласъ, подобнаго которому нельзя услышать отъ тѣхъ, *иже земная мудрствуютъ* (Филипп. III, 19). Не такъ обыкли мыслить всегда о смерти мы, — *человѣцы, вси суетни естественнѣ* (Прем. Сол. XIII, 1); для насъ *горька память* смерти (Сир. XLI, 1), и не по одному суетному животолюбію, а и по тому понятію, какое изъ ученія вѣры имѣемъ мы о смерти, какъ объ *оброкѣ грѣха* (Рим. VI, 23).

Но тогда какъ естественному человѣку горька память смерти, для людей, сподобленныхъ Божіей благодати и подобно усопшему архипастырю, полагающихъ *благочестіе въ Бога началомъ чувства* (Притч. I, 7), горечь мысли о смерти растворяется утѣшеніемъ, которое приноситъ *гласъ съ небесе, глаголющъ: блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отъ нынѣ. Отъ нынѣ*, то-есть, со времени очень недавняго, съ того времени, какъ дано было землѣ внимать этому гласу. Когда же наступило сіе время? Послѣ того, какъ держава смерти разрушена Тѣмъ, Который *пріискренѣ пріобщися плоти и крови, да смертію упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола: и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти чрезъ все жи-*

тіе повинни бѣша работѣ. (Евр. II, 14—15). Съ этого-то времени и наступила возможность обращенія смерти изъ орудія казни за грѣхи въ дверь къ блаженной вѣчности. *Блажени мертвіи умирающіи о Господѣ отъ нынѣ.*

Блажени мертвіи, но не всѣ, а только *умирающіи о Господѣ,* или, по выраженію, употребленному въ другихъ мѣстахъ Писанія, *умершіи о Христѣ* (1 Кор. XV, 18). Это тѣ изъ умершихъ, въ которыхъ Христосъ сдѣлался начаткомъ новой жизни: спогребшись Христу *крещеніемъ въ смерть* (Рим. VI, 4), они *вѣрою* приготовили себя ко вселенію *въ сердца* ихъ *Христа* (Еф. III, 17); почасту съ благоговѣніемъ и достодолжнымъ приготовленіемъ принимали Христа въ пречистыхъ Его Тайнахъ въ домъ души своея; измывали въ себѣ обитель Христу слезами покаянія; пометали трудами углубленнаго самоиспытанія; распространяли любовію ко Христу; благоукрашали дѣлами вѣры и любви; освѣщали лучами духовнаго свѣта, который изобильно привлекали къ себѣ непрестаннымъ взираніемъ *на Начальника вѣры и Совершителя Іисуса* (Евр. XII, 2) и усерднымъ вниманіемъ *свѣтилу* богодухновенныхъ словесъ, такъ что сподоблялись испытывать исполненіе обѣщаннаго словами: *день озаритъ, и денница возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ* (2 Петр. I, 19), *денница* же *Іисусъ* (Апок. XXII, 16); остѣняли распинаніемъ *плоти* своей *со страстми и похотми* (Гал. V, 24); чрезъ все сіе дѣлаясь Христовыми, о себѣ

не хвалились, а *токмо о немощехъ* своихъ, *да вселится* въ нихъ *сила Христова* (2 Кор. XII, 5, 9), и никогда *не помышляя себе у достигшихъ*, но непрестанно *въ предняя простираяся* (Филипп. III, 13), по истинѣ принадлежали къ сонму тѣхъ исповѣдниковъ Христовыхъ, которые могутъ сказать о себѣ съ апостоломъ Павломъ: *никтоже насъ себѣ живетъ, и никто же себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы* (Рим, XIV, 7, 8). Такіе люди, если длится ихъ земная жизнь, съ трепетомъ смиренія помышляютъ: *увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися*: „видно, хотя и много *пришельствова душа моя*, (Псал. CXIX, 5, 6), но еще не уготовала себя, и еще требуетъ уготовленія, чтобъ изъ пришельствія перейти въ отечество, въ которое всѣхъ насъ призываетъ Отецъ небесный“ *); а когда вседержавная воля Благопромыслителя изрекаетъ имъ Свое опредѣленіе: *время отшествія наста* (2 Тим. IV, 6), съ радостною покорностію волѣ Господней совлекаются одежды тѣла, и почіютъ въ мирѣ.

Такъ *избыточествующіе въ дѣлѣ Господни всегда* по истинѣ совершаютъ *трудъ*, который *нѣсть тощъ предъ Господемъ* (1 Кор. XV, 58). Во всемъ ихъ жи-

*) Рѣчь высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго, въ день совершившагося пятидесятилѣтія его священноначальств. служенія предъ собраніемъ привѣтствовавшихъ его высокопреосвященство.

тіи, чѣмъ оно продолжительнѣе, тѣмъ болѣе открывается *терпѣніе святыхъ, иже соблюдаютъ заповѣди Божія и вѣру Іисусову.* А потому и *глаголетъ* о нихъ *Духъ: да почіютъ отъ трудовъ своихъ* (Апок. XIV, 12, 13). Во весь день жизни своей, съ ранняго утра, они не были праздными или лѣнивыми работниками въ земномъ вертоградѣ Божіемъ (Мѳ XX, 1, 6); а потому и *оставлено есть субботство* этимъ *людемъ Божіимъ. Вшедый бо въ покой Его, и той почи отъ дѣлъ своихъ, яко же отъ Своихъ Богъ* (Евр. IV, 9, 10). Войдя въ покой путемъ непрестаннаго дѣланія, они и въ странѣ вѣчнаго субботства не остаются безъ дѣла: они тамъ *предъ престоломъ Божіимъ, и служатъ Ему день и нощь въ церкви Его* (Апок. VII, 15). И хотя также, можетъ быть, какъ и горнія силы, *покоя не имутъ день и нощь,* совершая сію службу (IV, 8); но, поелику еще въ здѣшней жизни сроднились съ сею службою, перейти къ которой отъ земнаго служенія для иныхъ изъ нихъ значитъ переступить едва примѣтную грань, то, и не имѣя покоя отъ сей сладостной для нихъ службы, *почіютъ отъ трудовъ своихъ.*

Дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ съ ними, продолжаетъ тайновидецъ. Какія это дѣла? Послѣ сказаннаго о сихъ умирающихъ, нужно ли еще давать подробный отвѣтъ на этотъ вопросъ? Довольно будетъ повторить краткій отвѣтъ на этотъ вопросъ, предложенный нѣкогда усопшимъ Архипастыремъ. Отвѣтъ этотъ таковъ: „конечно, не дѣла плоти, тлѣющія и растлѣвающія, не

дѣла земной корысти и чувственнаго самолюбія, мертвыя и умерщвляющія, но живыя дѣла духа, дѣла покаянія, вѣры, любви къ Богу и ближнему" *). Къ сему отвѣту можно прибавить развѣ еще только ту черту, подразумѣвающуюся впрочемъ въ отвѣтѣ, что это должны быть дѣла, назданныя не *на* иномъ *основаніи паче лежащаго, еже есть Іисусъ Христосъ,* и достойныя сего основанія; ибо только о такомъ дѣлѣ сказано, что оно *пребудетъ* (1 Кор. III, 11, 14).

Поелику же, какъ мы видѣли, дѣла сіи суть *дѣла вѣры и трудъ любве* (1 Сол. 1, 3); то въ мысли о томъ, что дѣла эти послѣдуютъ за умирающими о Господѣ въ наступающую для нихъ со смертію новую жизнь, заключено то утѣшеніе, что, слѣдовательно, союзъ любви, соединяющій ихъ съ оставленными ими на землѣ, не разрушается отъ перехода ихъ въ вѣчность. Ихъ *души въ рукѣ Божіей* (Прем. Сол. III, 1); *въ рукѣ* же *Господни* и *власть земли* (Сир. X, 4). И что еще болѣе важно, во Христѣ мы принадлежимъ къ одному съ ними тѣлу, имѣющему единую Главу. Совершители таинъ знаютъ знаменательное отображеніе сего неразрывнаго союза въ одномъ изъ дѣйствій, ими совершаемомъ каждый разъ при принесеніи Бозкровной Жертвы. Это — погруженіе въ животворящую кровь Христову вкупѣ частицъ просфоры, изъятыхъ какъ въ память живыхъ, такъ и въ

*) Бес. при гробѣ княжны А. М. Голицыной.

память умершихъ. По мысли о сей неразрывности союза христіанской любви, мы какъ себѣ отъ почившихъ о Господѣ ждемъ духовной помощи и по вѣрѣ нашей получаемъ, такъ и нынѣ тщимся подать потребную имъ помощь, всегда память о нихъ творя въ молитвахъ своихъ.

Движимые сею любовію, а правильнѣе сказать, внушаемымъ любовію чувствомъ сыновней почтительности, и нынѣ творимъ мы память усопшаго достоблаженнаго отца нашего и Архипастыря. Здѣсь, можетъ быть, слушатели ждутъ похвалъ усопшему; но довольно ли умѣстны похвалы въ виду дѣлъ и подвиговъ, которые едва ли не превыше всякихъ человѣческихъ похвалъ? Самъ первосвятитель нашъ при жизни своей не жаждалъ похвалъ и не любилъ ихъ. Еще недавно внимательные изъ участниковъ въ празднованіи пятидесятилѣтія его епископскаго служенія могли видѣть, съ какимъ спокойствіемъ, можно сказать, безстрастія выслушивалъ онъ расточавшіяся тогда предъ нимъ, справедливыя, впрочемъ, похвалы, и какъ быстро святолѣпное его лице принимало почти страдальческое выраженіе, какъ скоро въ произносимыхъ предъ нимъ привѣтствіяхъ проскользали по мѣстамъ выраженія чувствъ признательности и почтительности, обличавшія нѣкоторое хвалебное напряженіе. А притомъ и книга жизни отшедшаго отъ насъ Архипастыря нашего мало отверста предъ нами: не любя ничего дѣлать только для вида или напоказъ,

онъ, хотя и твердо помнилъ и соблюдалъ пастырскій свой долгъ, который повелѣваетъ: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV, 12), въ тоже время однако, мудро располагая свою жизнь, умѣлъ оставлять довольно мѣста пріобрѣтенію тѣхъ сокровенныхъ и *многоцѣнныхъ предъ Богомъ* добротъ, какими благоукрашается *потаенный сердца человѣкъ* (1 Петр. III, 4); въ соотвѣтствіе чему, можетъ быть, Богъ и послалъ ему такую кончину, которая, хотя была несомнѣнно безболѣзненна и мирна, но совершилась образомъ никому невѣдомымъ.

Но, не расточая похвалъ мужу, прежде всего и паче всего искавшему *славы, яже отъ единаго Бога* (Іоанн. V, 44), не можемъ отказать себѣ въ утѣшеніи предложить нѣчто, чтобы и себя и другихъ соучастниковъ общей нашей скорби о преставльшемся іерархѣ удостовѣрить въ томъ, что ему предлежитъ часть между ублажаемыми отъ Духа почившими. Для увѣренія въ семъ довольно припомнить, что если кто въ нашемъ родѣ, то именно сей воистину Филаретъ могъ бы сказать о себѣ со Апостоломъ: *служителіе ли Христовы суть? паче азъ. Въ трудѣхъ множае* (2 Кор. XI, 23). *Благодатію Божіею есмь, еже есмь, и благодать Его, яже во мнѣ, не тща бысть, но паче всѣхъ потрудихся* (1 Кор. XV, 10). Вся жизнь его была непрестающій трудъ, трудъ постоянный, трудъ обширный, трудъ, можно сказать, исполинскій, трудъ богатый общепо-

лезными плодами. Обратимся ли къ ранней порѣ его жизни? Найдемъ признаки рѣдкаго, особенно для нашихъ дней, трудолюбія, съ какимъ почившій, при отличныхъ природныхъ дарованіяхъ, но при недовольно благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, проходилъ то начальное въ жизни каждаго идущаго „узкимъ и вмѣстѣ возвышеннымъ путемъ духа“ поприще, о которомъ многоопытный священный мудрецъ засвидѣтельствовалъ: *ученіе многое трудъ плоти* (Еккл. XII, 12). Самъ почившій, соединяя впрочемъ съ этимъ временемъ своей жизни „свои добрыя и достопочтенныя воспоминанія,“ повѣствуетъ объ этомъ трудѣ въ урокъ нашей изнѣженности, между прочимъ, слѣдующее: „изъ неблагоустроенныхъ жилищъ нерѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблагоустроенный путь до дома ученія; и случалось, что только *въ полученіи* нашемъ *разгорался огнь* (Псал. XXXVIII, 4), когда въ согрѣвающемъ или освѣщающемъ огнѣ нуждалась учебная храмина“ *) И однако изъ этой непривѣтливой храмины вынесъ юный питомецъ мудрости необыкновенно блестящее раскрытіе какъ умственныхъ силъ, такъ и нравственныхъ. Отъ этой утренней зари жизни обратимъ ли взоры къ вечерней порѣ,—и здѣсь на склонѣ дней жизни, при оскудѣваніи силъ тѣлесныхъ, мы встрѣчаемъ необыкновенную неутомимость дѣятельности, неусыпность мысли и нравственной крѣпости,

*) Сл. по освященіи храма въ домѣ м. д. семинаріи.

неугасимую любовь къ труду и терпѣливость въ трудѣ, не смотря на его разнообразіе, многосложность и тяжесть. И поздняя его дѣятельность, усовершенная опытностію, сохранила то свойство ранней дѣятельности, по которому къ почившему, по всей справедливости, могутъ быть примѣнены слова св. Григорія Богослова о св. Василіи Великомъ: „хотя при напряженіи своемъ всего меньше имѣлъ онъ нужды въ естественной быстротѣ, а при быстротѣ своей всего меньше нуждался въ напряженіи; однако же до такой степени совокуплялъ и приводилъ къ единству то и другое, что неизвѣстно, напряженіемъ ли, или быстротою, наиболѣе онъ удивителенъ“ *). И если бы кто вздумалъ исчислить всѣ труды отшедшаго отъ насъ Архипастыря, съ утра жизни его до вечера, то пришелъ бы въ гораздо большее затрудненіе, нежели тотъ счетчикъ, который вознамѣрился бы перечислить одинъ за другимъ порознь всѣ дни его жизни. Кто изъ предстоящихъ не знаетъ, что *яко же наемника повседневнаго* была *жизнь его* (Іов. VII, 1), и что каждый день жизни трудился онъ съ подвижностію и безустанностію *трости книжника скорописца* (Псал. XLIV, 2), что притомъ каждый шагъ его дѣятельности запечатлѣнъ былъ печатію чрезвычайной вѣрности своему призванію, необыкновенно чутко, проницатель-

*) Сл. надгробное Василію. Твор. св. Григорія съ р. перев. Т. IV. стр. 78.

но и опредѣленно понимаемому и постоянно содержимому въ памяти? Это-то и придавало особенную цѣнность всѣмъ его трудамъ, равно какъ усиливало и самый трудъ.

Что же это былъ за трудъ по существу своему? Конечно, не ошибемся, если скажемъ кратко, что это былъ *трудъ любве* къ Господу Іисусу во святой Его Церкви, и о Господѣ Іисусѣ къ возлюбленному Господомъ народу, православному народу русскому, сему „новому Израилю“, и къ державствующей надъ нимъ предержащей Власти. Поэтому трудъ сей имѣлъ то свойство и то высокое достоинство, что въ немъ ничего не было для себя, а все для Господа, во славу Божію, ко благу Церкви. Въ какихъ бы обстоятельствахъ ни былъ поставленъ усопшій іерархъ, смутныхъ или радостныхъ, едва-ли когда-либо забывалъ онъ долгъ сильныхъ духомъ *не себѣ угождати* (Рим. XV, 1), и едва ли когда-либо много помнилъ о самомъ себѣ. Для утѣшенія и назиданія приведемъ себѣ на память нѣчто немногое изъ жизни почившаго въ подтвержденіе.

Въ преполовеніе, напримѣръ, лѣтъ его жизни была для него смутная пора, когда временно приведено было въ сомнѣніе одно письменное его дѣло, свидѣтельствованное впрочемъ въ своемъ достоинствѣ и утвержденное, какъ выражался онъ самъ, „всѣмъ, что есть священнаго на землѣ.“ И не называя этого произведенія, можно быть увѣреннымъ, что у всѣхъ слы-

шащихъ сіе уже на устахъ названіе этого труда, по истинѣ достойнаго быть начертаннымъ златыми письменами. Какое тяжелое испытаніе—трудъ, для Бога, для Церкви подъятый, со всѣмъ тщаніемъ и возможнымъ достоинствомъ выполненный, въ своемъ достоинствѣ уже признанный, и вдругъ сверхъ чаянія едва не отвергнутый!.. Какъ не поколебаться среди такого испытанія? Чтоже работающій Господеви святитель? Онъ въ этомъ положеніи писалъ: „если сквозь дѣло хотятъ уязвить лице: пускай. Но должно ли допускать, чтобы подкапывали твердость и довѣренность церковнаго правительства? чтобы возмущали миръ Церкви?“ Какое отражается въ этихъ словахъ поглощеніе личныхъ видовъ заботою о благѣ Церкви! Не оно ли вознесло почившаго іерарха еще заживо въ почтеніи народа на безпримѣрную высоту?

У насъ въ живой еще памяти и иная пора жизни Филарета,—блестящая, свѣтлая пора, когда вся Церковь русская ликовала свѣтлый праздникъ пятидесятилѣтія его епископскаго служенія, праздникъ, отпразднованный съ неслыханнымъ у насъ великолѣпіемъ. Припомнимъ же, какъ взиралъ на это празднество онъ самъ. Ласкало ли оно его? Нѣтъ, вотъ что утѣшало его въ празднествѣ: „можетъ быть, угодно провидѣнію Божію, чрезъ сіе частное явленіе въ церковной жизни, сотворить *знаменіе во благо* (Псал. LXXXV, 17) вообще для поощренія подвижниковъ вѣры и Церкви, особенно благопотребнаго во дни

въ которые болѣе и болѣе омрачающій себя западный духъ непрестанно усиливается простирать мракъ и поднимать бури и на свѣтлый, святый Востокъ" *). Припоминая это, не забудемъ и того, что слова эти принадлежатъ Архипастырю, котораго слово всегда было *слово здравое, не зазорное* (Тит. II, 8), и отнюдь не праздное.

Приведенныхъ примѣровъ довольно въ настоящемъ случаѣ для показанія того, что преставившійся святитель не себѣ угождалъ на всѣхъ путяхъ жизни своей, но во всю жизнь свою пребывая *тщаніемъ не лѣнивъ, духомъ горя, Господеви работалъ* (Рим. XII, 11), и себѣ предоставлялъ только трудъ, а плоды трудовъ своихъ смиренно слагалъ въ сокровищницу Церкви. *Ей да почіетъ отъ трудовъ своихъ.*

На семъ да сократится слово наше. Не будемъ исчислять дѣла, какія ходятъ въ слѣдъ за почившимъ. Пересчитывать ихъ подробно было бы слишкомъ долго, и, можетъ быть, не благовременно теперь, да и чрезъ мѣру самонадѣянно.

Перенесемъ взоръ на себя. Но уже говорить ли о великой потерѣ? Растравлять ли раны сердецъ, пораженныхъ скорбію о незамѣнимой утратѣ? Раны эти еще такъ свѣжи, и такъ болѣзненны, мы такъ мало еще разсуждали о своей скорби, что намъ трудно еще выдѣлить чистыя жемчужины спасительной скорби въ

*) Рѣчь съ день совершивш. 50 лѣтія.

покаяніе изъ-подъ коры прильнувшихъ къ ней личныхъ огорченій, по поводу, напримѣръ, утраченной опоры и охраны, или не сбывшихся надеждъ на продолженіе нашего благосостоянія подъ лучами сокрывшагося отъ насъ свѣтила Церкви. Да и грядущее во слѣдъ за симъ еще темно и непроницаемо, не обнаруживаетъ еще предъ нашею недальновидностію не только отдаленныхъ, но и ближайшихъ послѣдствій этой великой утраты. А потому, не раскрывая подробно, сколь горька для насъ память о смерти великаго Архипастыря нашего, скажемъ только: сѣтуетъ объ этой утратѣ Церковь, признавшая въ почившемъ *свѣтильникъ горяй и свѣтяй*, а потому радовавшаяся *въ часъ свѣтѣнія Его* (Іоан. V, 35), а нынѣ опечаленная тѣмъ, что этотъ свѣтильникъ угасъ; сѣтуетъ народъ православный, утративший въ немъ неусыпнаго стража вѣры и благочестія въ народѣ, мудраго истолкователя чувствъ народа предъ земнымъ престоломъ и крѣпкаго своего заступника и молитвенника предъ престоломъ Вседержителевымъ, зорко предупреждавшаго и стремившагося преградить умноженіе золъ въ народѣ благовременными возбужденіями его къ молитвѣ, а также мудрыми поученіями своими ободрявщаго и поддерживавшаго духъ народный въ годины искушеній, равно какъ *солію ратворенными* (Кол. IV, 6) словами своими стремившагося предотвращать различные виды растлѣнія нравовъ народныхъ.

Но да утѣшитъ тебя Господь, *дщи Сіоня* (Плач.

Іер. II, 13). Вѣра и благочестивое усердіе народа, конечно ждутъ, чтобы Господь *возвеселилъ утробы всѣхъ* открытіемъ въ Филаретѣ новаго *братолюбца*, и по смерти *много молящагося о людехъ и о святѣмъ градѣ*, подобно тому, какъ нѣкогда утѣшенъ былъ подобнымъ откровеніемъ ветхій Израиль. *Бысть же сицево видѣніе: Онію бывшаго архіереа, мужа добраго и благаго, благоговѣйна видѣніемъ, кротка же нравомъ, и бесѣдою благолѣпна, и отъ дѣтства обучившагося всѣмъ добродѣтелемъ, сего* видѣлъ нѣкто *руцѣ воздѣюща, и молящася за вся люди* своя (2 Макк. XV, 11—14). Не инымъ чѣмъ, какъ подобнымъ чаяніемъ, мнится намъ, объясняется необыкновенное усердіе народа, въ наши дни окрестъ гроба почившаго Архипастыря воспроизведшее предъ нами умилительную картину погребальнаго шествія, сопровождавшаго тѣло св. Василія Великаго, къ мѣсту послѣдняго покоища. Картина сія изображена кистію св. Григорія Богослова въ слѣдующихъ разительныхъ, но намъ, по недавнему опыту, очень знакомыхъ чертахъ: „открывается чудо замѣчательнѣйшее изъ бывшихъ когда-либо. Святый былъ выносимъ подъемлемый руками святыхъ. Но каждый заботился о томъ, чтобы взяться или за воскриліе ризъ, или за сѣнь, или за священный одръ, или коснуться только, ибо что священнѣе и чище его тѣла?—или даже идти подлѣ несущихъ, или наслаждаться однимъ зрѣніемъ, какъ бы и оно доставляло пользу. Наполнены были торжища,

переходы, вторыя и третьи жилья; тысячи всякаго рода и возраста людей, дотолѣ незнаемыхъ, то предшествовали, то сопровождали, то окружали одръ и тѣснили другъ друга“ *). О еслибъ далъ тебѣ Богъ по вѣрѣ твоей, пастырелюбивый народъ русскій!

Не продолжимъ далѣе слова, и безъ того слишкомъ продолжительнаго, а вознесемъ къ Господу Богу молитвенный гласъ: Ей, Господи, *да почіетъ отъ трудовъ своихъ* въ лонѣ блаженнотворнаго милосердія Твоего отшедшая отъ насъ великая душа и да внидутъ предъ Тобою даже *до рогъ олтаревыхъ* (Псал. CXVII, 27) великія и достохвальныя дѣла Его, да *возліются* они на невещественный Твой *олтарь въ воню благоуханія* Тебѣ *Вышнему всѣхъ Цареви* (Сир. L, 17), да будутъ они въ жертву всесожженія предъ Тобою за всю православную землю русскую, и *всесожженіе* это да *будетъ тучно* предъ Тобою (Псал. XIX, 4). и да исходатайствуетъ у Тебя миръ и благословеніе Православной Церкви и Державѣ Всероссійской. Аминь.

*) Сл. надгробное Василію. Твор. св. Григ. въ р. перев. Т. IV, стр. 137.